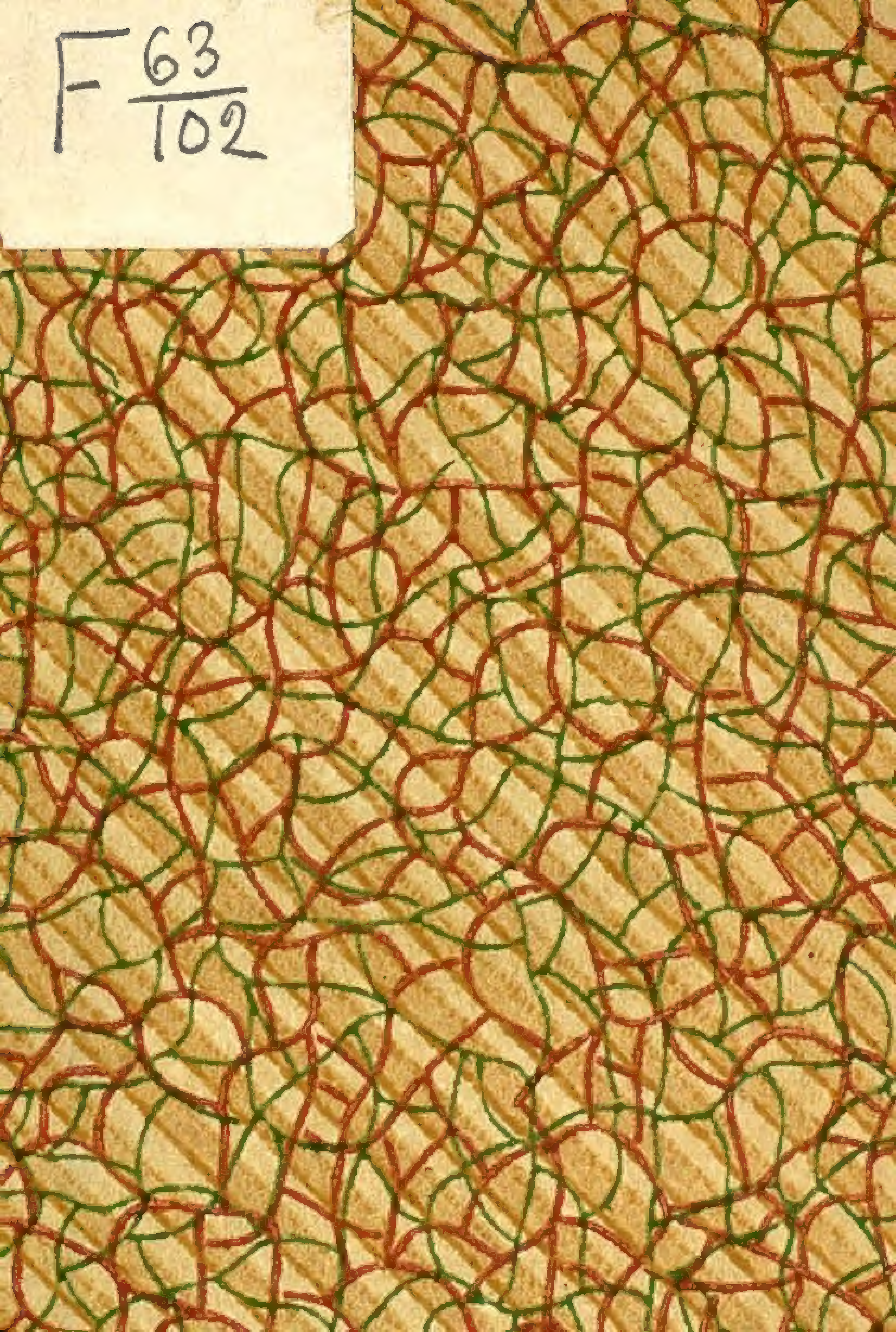

F 63/102

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РЯДОВОГО ИВАНОВА

О ПОХОДѢ 1877 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (
1887.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РЯДОВОГО ИВАНОВА

О ПОХОДѢ 1877 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 января 1887 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РЯДОВОГО ИВАНОВА

О ПОХОДѢ 1877 ГОДА.

I.

Четвертаго мая тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмого года я пріѣхалъ въ Кишиневъ и черезъ полчаса узналъ, что черезъ городъ проходитъ 56-я пѣхотная дивизія. Такъ какъ я пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ какой-нибудь полкъ и побывать на войнѣ, то седьмого мая, въ четыре часа утра, я уже стоялъ на улицѣ въ сѣрыхъ рядахъ, выстроившихся передъ квартирой полковника 222-го старобѣльскаго пѣхотнаго полка. На мнѣ была сѣрая шинель съ красными погонами и синими петлицами, кепи съ синимъ околышемъ; за спиною ранецъ, на поясѣ патронныя сумки, въ рукахъ тяжелая крынковская винтовка.

Музыка грянула: отъ полковника выносили знамена. Раздалась команда; полкъ беззвучно сдѣлалъ на караулъ. Потомъ поднялся ужасный крикъ: скомандовалъ полковникъ, за нимъ батальонные и ротные командиры и взводные унтеръ-офицеры. Слѣдствіемъ всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движеніе сѣрыхъ шинелей, кончившееся тѣмъ, что полкъ вытянулся въ длинную колонну и мѣрно зашагалъ подъ звуки полкового оркестра, гремѣвшаго веселый маршъ.

Шагалъ и я, стараясь попадать въ ногу и идти наравнѣ съ сосѣдомъ. Ранецъ тянулъ назадъ, тяжелыя сумки впередъ, ружье соскакивало съ плеча, воротникъ сѣрой шинели теръ шею; но, несмотря на всѣ эти маленькія непріятности, музыка, стройное, тяжелое движеніе колонны, раннее свѣжее утро, видъ щетины штыковъ, загорѣлыхъ и суровыхъ лицъ настроивалъ душу твердо и спокойно.

У воротъ домовъ, несмотря на раннее утро, толпился народъ; изъ оконъ глядѣли полураздѣтыя фигуры. Мы шли по длинной, прямой улицѣ, мимо базара, куда уже начали съѣзжаться молдаване на своихъ воловьихъ возахъ; улица поднималась въ гору и упиралась въ городское кладбище. Утро было пасмурное и холодное, накрапывалъ дождикъ; деревья кладбища виднѣлись въ туманѣ; изъ-за мокрыхъ воротъ и стѣны выглядывали верхушки памятниковъ. Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мнѣ, что оно смотритъ на насъ сквозь туманъ въ недоумѣніи. «Зачѣмъ идти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть покойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Останьтесь!»

Но мы не остались. Насъ влекла невѣдомая, тайная сила: нѣтъ силы бо̀льшей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невѣдомому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню, самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій.

За кладбищемъ открылась широкая и глубокая до-

лина, уходившая изъ глазъ въ туманъ. Дождь пошелъ сильнѣе; кое-гдѣ, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный лучъ; тогда косыя и прямыя полосы дождя сверкали серебромъ. По зеленымъ склонамъ долины ползли туманы; сквозь нихъ можно было различить длинныя, вытянувшіяся колонны войскъ, шедшихъ впереди насъ. Изрѣдка блестѣли кое-гдѣ штыки; орудіе, попавъ въ солнечный свѣтъ, горѣло нѣсколько времени яркою звѣздочкою и меркло. Иногда тучи сдвигались; становилось темнѣе; дождь шелъ чаще. Черезъ часъ послѣ выступленія я почувствовалъ, какъ струйка холодной воды побѣжала у меня по спинѣ.

Первый переходъ былъ не великъ: отъ Кишинева до деревни Гаурени всего восемнадцать верстъ. Однако, отъ непривычки нести на себѣ фунтовъ двадцать-пять—тридцать груза, я, добравшись до отведенной намъ хаты, сначала даже сѣсть не могъ: прислонился ранцемъ къ стѣнѣ, да такъ и стоялъ минутъ десять въ полной амуниціи и съ ружьемъ въ рукахъ. Одинъ изъ солдатъ, идя на кухню за обѣдомъ, сжалившись надо мной, взялъ и мой котелокъ, но когда онъ пришелъ, то засталъ меня спящимъ глубокимъ сномъ. Я проснулся только въ четыре часа утра отъ нестерпимо рѣзкихъ звуковъ рожка, игравшаго генералъ-маршъ, и черезъ пять минутъ снова шагалъ по грязной глинистой дорогѣ, подъ мелко сыпавшимъ, точно сквозь сито, дождикомъ. Передо мною двигалась чья-то сѣрая спина съ навьюченнымъ на нее бурымъ телячьимъ ранцемъ, побрякивавшимъ желѣзнымъ котелкомъ, и ружьемъ на плечѣ; съ боковъ и сзади тоже шли такія же сѣрыя фигуры. Первые дни я не могъ отличать ихъ другъ отъ друга. 222-й пѣхотный полкъ, куда я попалъ, состоялъ большею частью изъ вятскихъ (вячкихъ, какъ они говорили) и

костромскихъ мужиковъ. Все широкія, скуластыя лица, побурѣвшія отъ похода; сѣрые небольшіе глаза, бѣлокурые безцвѣтные волосы и бороды. Хотя я и помнилъ нѣсколько фамилій, но кому онѣ принадлежатъ, не зналъ. Черезъ двѣ недѣли я не могъ понять, какъ я могъ смѣшивать двухъ своихъ сосѣдей, одного, шедшаго рядомъ со мною, и другого, шедшаго рядомъ съ обладателемъ сѣрой спины, бывшей постоянно передъ моими глазами. Я безразлично называлъ ихъ Ѳедоровымъ и Житковымъ и постоянно ошибался, а между тѣмъ, они были совершенно непохожи другъ на друга.

Ѳедоровъ, ефрейторъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, стройно, даже изящно сложенный. У него было правильное, будто выточенное лицо, съ очень красиво очерченными носомъ, губами и подбородкомъ, покрытымъ бѣлокурой, курчавой бородкой, и съ веселыми голубыми глазами. Когда кричали: пѣсенниковъ впередъ! — онъ бывалъ запѣвалой нашей роты и чисто выводилъ груднымъ теноромъ, на высокихъ нотахъ прибѣгая къ высочайшему фальцету:

... Царя тре-е-е-бу-ютъ въ сенатъ!

Онъ былъ уроженецъ Владимірской губерніи, съ дѣтства попавшій въ Петербургъ. Что рѣдко случается, петербургская «образованность» не испортила его, но только отшлифовала, научивъ, между прочимъ, читать газеты и говорить всякія мудреныя слова.

— Конечно, Владиміръ Михайловичъ, говорилъ онъ мнѣ:—я могу имѣть разсужденія больше, чѣмъ дядя Житковъ, такъ какъ Питеръ оказалъ на меня свое вліяніе. Въ Питерѣ цивилизація, а у нихъ въ деревнѣ одно незнаніе и дикость. Но, однако, какъ они человѣкъ пожилой и, можно сказать, виды видѣвшій и перенесшій различныя превратности судьбы, то я не могу

на нихъ орать, напримѣръ. Ему сорокъ лѣтъ, а мнѣ двадцать третій. Хотя я въ ротѣ и ефрейторъ.

Дядя Житковъ—коренастый, необыкновенной силы мужикъ, всегда мрачнаго вида. Лицо у него было темное, скуластое, глаза маленькіе, смотрѣвшіе исподлобья. Онъ никогда не улыбался и рѣдко говорилъ. Онъ былъ плотникъ по ремеслу и находился въ безсрочномъ отпуску, когда мобилизировали нашу армію. До чистой отставки ему оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; началась война, и Житковъ пошелъ въ походъ, оставивъ дома жену и пятерыхъ ребятишекъ. Несмотря на непривлекательную наружность и вѣчную мрачность, въ немъ было что-то влекущее, доброе и сильное. Теперь мнѣ кажется совершенно непонятнымъ, какъ я могъ смѣшивать этихъ сосѣдей, но въ первые два дня оба мнѣ казались одинаковыми: сѣрыми, навьюченными, уставшими и продрогшими.

Всю первую половину мая шли непрерывные дожди, а мы двигались безъ палатокъ. Безконечная глинистая дорога подымалась на холмъ и спускалась въ оврагъ чуть ли не на каждой верстѣ. Идти было тяжело. На ногахъ комья грязи; сѣрое небо низко повисло и безпрерывно сѣетъ на насъ мелкій дождь. И нѣтъ ему конца, нѣтъ надежды, придя на ночлегъ, высушиться и отогрѣться: румыны не пускали насъ въ жилье, да имъ и негдѣ было помѣстить такую массу народа. Мы проходили городъ или деревню и становились гдѣ-нибудь на выгонѣ.

— Стой!... Составь!

И приходилось, поѣвши горячей похлебки, укладываться прямо въ грязь. Снизу вода, сверху вода; казалось, и тѣло все пропитано водой. Дрожишь, кутаешься въ шинель, понемногу начинаешь согрѣ-

ваться влажною теплотой и крѣпко засыпаешь опять до проклинаемаго всѣми генералъ-марша. Снова сѣрая колонна, сѣрое небо, грязная дорога и печальные, мокрые холмы и долины. Людямъ приходилось трудно.

— Растворились всѣ хляби небесныя,—со вздохомъ говорилъ нашъ полувзводный унтеръ-офицеръ Карповъ, старый солдатъ, сдѣлавшій хивинскій походъ. — Мокнемъ-мокнемъ безъ конца.

— Высохнемъ, Василь Карпычъ! Вотъ солнышко выглянетъ, всѣхъ высушитъ. Походъ долгъ: поспѣемъ и высохнуть и вымокнуть, пока дойдемъ. Михайлычъ! обращается сосѣдъ ко мнѣ:—далече ли до Дунаю-то?

— Недѣли три еще пройдемъ.

— Три недѣли! Да двѣ идемъ вотъ...

— Идемъ къ чорту въ лапы,—проворчалъ дядя Житковъ.

— Чего ты тамъ, старый чортъ, ворчишь? Народъ смущаешь! Къ какому чорту въ лапы? Почему ты такое произносишь?

— На праздникъ, что ли, идемъ? огрызается Житковъ.

— Не на праздникъ, а какъ должны исполнять присягу!.. Ты что, когда присягалъ, говорилъ? «Не щадя живота!..» А! старый дуракъ! Ты смотри у меня!

— Что жь я сказалъ, Василь Карпычъ? Нешто не иду? Помирать. такъ помирать... все одно...

— То-то! Поговори еще!..

Житковъ молчитъ; лицо его становится еще мрачнѣе. Да и всѣмъ вообще не до разговоровъ: идти было слишкомъ тяжело. Ноги скользятъ, и люди часто падаютъ въ липкую грязь. Крѣпкая ругань раздается по батальону. Одинъ Ѳедоровъ не вѣшаетъ носа и безъ

устали разсказываетъ мнѣ исторію за исторіей о Петербургѣ и деревнѣ.

Однако, всему бываетъ конецъ. Однажды, проснувшись утромъ на бивуакѣ, около деревни, гдѣ была назначена дневка, я увидѣлъ голубое небо, бѣлыя мазанки и виноградники, ярко залитые утреннимъ солнцемъ, услышалъ повеселѣвшіе, живые голоса. Всѣ уже встали, обсушились и отдыхали отъ тяжелаго полутoранедѣльнаго похода подъ дождемъ безъ палатокъ. Во время дневки привезли и ихъ. Солдаты тотчасъ же принялись натягивать ихъ, и, устроивъ все, какъ слѣдуетъ, забивъ колышки и натянувъ полотнища, почти всѣ улеглись подъ тѣнь.

— Отъ дождя не помогли, отъ солнышка сберегутъ.

— Да, чтобы личико у барина не почернѣло,—пошутилъ Ѳедоровъ, лукаво подмигивая въ мою сторону.

II.

Въ нашей ротѣ было всего два офицера: ротный командиръ, капитанъ Заикинъ, и субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Стебельковъ. Ротный былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, толстенькій и добрый; Стебельковъ—юноша, только что выпущенный изъ училища. Жили они дружно: капитанъ приголубилъ прапорщика, поилъ и кормилъ его, а во время дождей даже пригрѣвалъ подъ своимъ единственнымъ гуттаперчевымъ плащомъ. Когда роздали палатки, наши офицеры помѣстились вмѣстѣ, а такъ какъ офицерскія палатки были просторны, то капитанъ рѣшилъ поселить съ собою и меня.

Утомленный безсонною ночью (наканунѣ наша рота

была назначена къ обозу, и мы всю ночь вытаскивали его изъ рытвинъ и даже вывозили при помощи «дубинушки» изъ разлившейся рѣчки), я крѣпко уснулъ послѣ обѣда. Деньщикъ ротнаго командира разбудилъ меня, осторожно трогая за плечо.

— Баринъ Ивановъ! баринъ Ивановъ! шепталъ онъ, какъ будто не хотѣлъ разбудить меня, а напротивъ, всѣми силами старался не нарушить моего сна.

— Чего вамъ?

— Ротный требуютъ. И видя, что я надѣваю портупею со штыкомъ, прибавилъ: — они сказали: веди въ чемъ есть.

Въ палаткѣ Залкина собралась цѣлая компанія. Кромѣ хозяевъ было еще два офицера: полковой адъютантъ и командиръ стрѣлковой роты Венцель. Въ 1877 году батальонъ состоялъ не изъ четырехъ, какъ теперь, а изъ пяти ротъ; на походѣ стрѣлковая рота шла сзади, такъ что наша рота своими послѣдними рядами соприкасалась съ ея первыми. Мнѣ приходилось идти почти между стрѣлками, и я уже нѣсколько разъ слышалъ отъ нихъ самые дурные отзывы о штабсъ-капитанѣ Венцелѣ. Всѣ четверо сидѣли вокругъ ящика, замѣнявшаго столъ и занятаго самоваромъ, посудою и бутылкою, и пили чай.

— Господинъ Ивановъ! пожалуйте, пожалуйте! закричалъ капитанъ.—Никита! чашку, кружку, стаканъ, что тамъ у тебя есть! Подвинься, Венцель; пусть онъ присаживается.

Венцель всталъ и весьма любезно поклонился. Это былъ сухощавый небольшаго роста молодой человѣкъ, блѣдный и нервный. «Какіе у него безпокойные глаза и какія тонкія губы», пришло мнѣ тогда въ голову. Адъютантъ, не вставая, протянулъ мнѣ руку.

— Лукинъ,—коротко отрекомендовался онъ.

Мнѣ было неловко. Офицеры молчали; Венцель прихлебывалъ чай съ ромомъ; адъютантъ пыхтѣлъ коротенькой трубкой; прапорщикъ Стебельковъ, кивнувъ мнѣ головою, продолжалъ читать растрепанный томъ какого-то переводнаго романа, совершившаго въ его чемоданѣ походъ изъ Россіи за Дунай и вернувшагося впослѣдствіи въ еще болѣе растрепанномъ видѣ въ Россію. Хозяинъ налилъ большую глиняную кружку чаю и влилъ въ него огромную порцію рома.

— Нате-ка, господинъ студентъ! Вы на меня не сердитесь: я человѣкъ простой. Да и всѣ мы здѣсь, знаете, люди простые. А вы человѣкъ образованный; значитъ, должны насъ извинить. Такъ, что ли?

И онъ своею огромною рукою схватилъ мою руку сверху, какъ хищная птица хватаетъ добычу, и нѣсколько разъ потрясъ ее въ воздухѣ, нѣжно смотря на меня выпученными и округлившимися маленькими глазами.

— Вы студентъ? спросилъ Венцель.

— Да, бывшій, господинъ капитанъ.

Онъ улыбнулся и поднялъ на меня свой безпокойный взоръ. Мнѣ вспомнились солдатскіе разсказы, но въ ту минуту я усомнился въ ихъ правдивости.

— Зачѣмъ это «господинъ капитанъ»? Здѣсь, въ палаткѣ, свой между своими. Здѣсь вы просто интеллигентный человѣкъ между такими же,—тихо сказалъ онъ.

— Интеллигентный — это вѣрно! закричалъ Заикинъ:—студентъ! Люблю студентовъ, хоть они и бунтовщики. Самъ былъ бы студентомъ, еслибъ не судьба.

— Какая-жь такая у тебя особенная судьба, Иванъ Платонычъ? спросилъ адъютантъ.

— Да приготовиться никакъ не могъ. Ну, матема-

тика еще туда-сюда, а ужъ насчетъ другого чего—не идетъ, да что хочешь. Словесность эта... Правописаніе... Такъ и въ юнкерскомъ училищѣ писать не научился. Ей-Богу!

— Знаете, господинъ студентъ,—сказалъ адъютантъ между двумя огромными выпущенными имъ клубами дыма: —какъ Иванъ Платонычъ въ словѣ «еще» четыре ошибки дѣлаетъ?

— Ну, ну, не ври, тетенька!—Заякинъ отмахнулся рукой.

— Право, не вру. *И, эсъ, ша, о*—какъ это вамъ покажется?

И адъютантъ громко расхохотался.

— Дери глотку... Самъ тоже... еще адъютантъ! «столъ» черезъ *ять* пишетъ.

Адъютантъ совсѣмъ залился; прапорщикъ Стебельковъ, только что хлебнувшій чаю, прыснулъ имъ на свой романъ и потушилъ одну изъ двухъ свѣчей, освѣщавшихъ палатку; я тоже не могъ удержаться отъ смѣха. Иванъ Платонычъ, болѣе всѣхъ довольный своей остротой, гремѣлъ раскатами басистаго хохота. Одинъ Венцель не смѣялся.

— Такъ словесность, Иванъ Платонычъ? по-прежнему тихо спросилъ онъ.

— Словесность, словесность... Ну, и прочее. Знаете, какъ нѣкто географію прошелъ «до экватора», а исторію «до эры». Да нѣтъ! это все ерунда, не въ томъ дѣло. А просто деньжонки водились, ну, и прожигалъ жизнь. Вѣдь я, Ивановъ... позвольте имя и отчество?...

— Владиміръ Михайлычъ.

— Владиміръ Михайлычъ? ладно... Вѣдь я безпутная голова былъ смолоду. Чего только не выкидывалъ! Ну, знаете, какъ въ пѣснѣ поется: жилъ я, мальчикъ,

веселился и имѣлъ свой капиталъ; капиталу мальчикъ я рѣшился, и въ неволю жить попалъ. Поступилъ юнкеромъ въ сей славный, хотя глубоко-армейскій полкъ; послали въ училище, кончилъ съ грѣхомъ пополамъ, да вотъ и тяну лямку второй десятокъ лѣтъ. Теперь вотъ на турку премъ. Выпьемте, господа, натуральнаго! стоитъ-ли его чаемъ портить. Выпьемъ, господа. «пушечное мясо».

— Chair à canon,—перевелъ Венцель.

— Пускай шеръ а канонъ, пускай по-французски. Капитанъ у насъ умный, Владиміръ Михайлычъ: языки знаетъ и разные нѣмецкіе стишки наизусть долбитъ. Слушайте, юноша! я васъ затѣмъ позвалъ, чтобы предложить вамъ перебраться ко мнѣ въ палатку. Тамъ вѣдь вамъ впестеромъ съ солдатами тѣсно и скверно. Насѣкомыя. Все-таки у насъ лучше...

— Благодарю васъ, только позвольте отказаться.

— Это отчего? Вздоръ! Никита! тащи его ранецъ! Вы въ которой палаткѣ?

— Вторая съ правой стороны. Только все-таки позвольте мнѣ остаться тамъ. Мнѣ вѣдь съ солдатами больше бывать приходится. Лучше ужь совсѣмъ съ ними.

Капитанъ внимательно посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы хотѣлъ прочитать мои мысли. Подумавъ, онъ сказалъ:

— Вы что же, въ дружбѣ съ ними состоять хотите?

— Да, если это будетъ возможно.

— Вѣрно. Не перебирайтесь. Уважаю.

И онъ сгребъ своей ручищей мою руку и началъ трясти ее въ воздухѣ.

Немного времени спустя, я распрощался съ офицерами и вышелъ изъ палатки. Вечерѣло: люди одѣва-

лись въ шинели, приготовляясь къ зарѣ. Роты выстроились на линейкахъ, такъ что каждый батальонъ образовалъ замкнутый квадратъ, внутри котораго были палатки и ружья въ козлахъ. Въ тотъ день, благодаря дневкѣ, собралась вся наша дивизія. Барабаны пробили зорю, откуда-то издалека послышались слова команды:

— Полки на молитву, шапки долой!

И двѣнадцать тысячъ человѣкъ обнажили головы. «Отче нашъ, иже еси на небеси», начала наша рота. Рядомъ тоже запѣли. Шестьдесятъ хоровъ по двѣсти человѣкъ въ каждомъ пѣли каждый самъ по себѣ; выходила разноголосица но молитва все-таки звучала трогательно и торжественно. Понемногу начали затихать хоры; наконецъ, далеко, въ батальонѣ, стоявшемъ на концѣ лагеря, послѣдняя рота пропѣла: «но избави насъ отъ лукаваго». Коротко пробили барабаны.

— Накройся!

Солдаты укладывались спать. Въ нашей палаткѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ, помѣщалось шестеро на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженъ, мое мѣсто было съ краю. Я долго лежалъ, смотря на звѣзды, на костры далекихъ войскъ, слушая смутный и негромкій шумъ большого лагеря. Въ сосѣдней палаткѣ кто-то разсказывалъ сказку, безпрестанно повторяя слова «наконецъ того», произнося не «тово», «того».

— Наконецъ того, приходитъ тотъ принцъ къ своей супругѣ и началъ ей про все выговаривать. Наконецъ того, она... Лютиковъ, спишь, что ли? Ну, спи, Христосъ съ тобой. Господи, Царица Небесная... Преподобныхъ отецъ нашихъ... шепчетъ разсказчикъ и стихаетъ.

Въ офицерской палаткѣ тоже говоръ. По освѣщенному изнутри полотну двигаются огромныя и уродливыя тѣни сидящихъ въ палаткѣ офицеровъ. Изрѣдка

слышенъ взрывъ хохота; это заливается адъютантъ. По линейкѣ ходитъ туда и сюда часовой съ ружьемъ; напротивъ насъ, на бивуакѣ недалеко стоящей артиллеріи, тоже часовой съ обнаженной шашкой. Оттуда изрѣдка слышенъ топотъ лошадей у коновязей, ихъ фырканье; слышно, какъ онѣ мирно жуютъ овесъ, съ такимъ же точно добродушнымъ шурхаиьемъ, какое мнѣ случалось слышать не на войнѣ, а гдѣ нибудь на постояломъ дворѣ на родинѣ, въ такую же тихую звѣздную ночь. Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы блестѣли низко надъ горизонтомъ, гораздо ниже, чѣмъ у насъ. Смотри на полярную звѣзду, я думалъ, что именно въ этомъ направленіи долженъ быть Петербургъ, гдѣ я оставилъ мать, друзей и все дорогое. Надъ головою блестѣли знакомыя созвѣздія; Млечный Путь не тускло свѣтился, а сіялъ ясною, торжественно-спокойною полосою свѣта. На югѣ, какія-то большія звѣзды незнакомаго, невидимаго у насъ созвѣздія горѣли одна краснымъ, другая зеленоватымъ огнемъ. Мнѣ думалось: когда мы пойдемъ дальше, за Дунай, за Балканы, въ Константинополь, увижу ли я тогда еще новыя звѣзды? и какія онѣ?

Спать не хотѣлось; я всталъ и началъ бродить по сырой травѣ между нашимъ батальономъ и артиллеріей. Темная фигура поровнялась со мною, гремя саблею; по ея звуку, я догадался, что это офицеръ, и вытянулся во фронтъ. Офицеръ подошелъ ко мнѣ и оказался Венцелемъ.

— Не спится, Владиміръ Михайлычъ? спросилъ онъ мягкимъ и тихимъ голосомъ.

— Не спится, господинъ капитанъ.

— Меня зовутъ Петръ Николаевичъ... И мнѣ тоже не спится. Сидѣлъ, сидѣлъ у вашего командира; на-

дойло: засѣли за карты, да и перепились всѣ... Ахъ, какая ночь!

Онъ пошелъ рядомъ со мною; дойдя до конца линейки, мы повернули назадъ и прошли нѣсколько разъ взадъ и впередъ молча. Венцель началъ первый.

— Скажите мнѣ, вы пошли въ походъ по собственному желанію?

— Да.

— Что же влекло васъ?

— Какъ вамъ сказать? отвѣтилъ я, не желая вдаваться въ подробности.—Больше всего, конечно, желаніе попспытать, посмотрѣть.

— И, вѣроятно, изучить народъ въ лицѣ его представителя—солдата? спросилъ Венцель. Было темно, и я не видалъ выраженія его лица, но слышалъ въ голосѣ иронію.

— Куда ужь тутъ изучать! До изученія ли, когда думаешь только о томъ, какъ бы дойти до привала, да заснуть.

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Скажите мнѣ, отчего вы не перебрались къ вашему командиру? Неужели вы дорожите мнѣніемъ этого мужичья?

— Конечно, дорожу, какъ мнѣніемъ всѣхъ, кого у меня нѣтъ причины не уважать.

— Не имѣю причины вамъ не вѣрить. Да, впрочемъ, вѣдь, теперь такая полоса пошла. И литература—и та возводитъ мужика въ какой-то перлъ творенія.

— Кто говоритъ о перлахъ творенія, Петръ Николаевичъ? Признавали бы человѣка, и то ладно.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, съ жалкими словами! Кто его не признаетъ! Человѣкъ?—ну, пусть будетъ человѣкомъ; какой?—это другой вопросъ... Давайте, поговоримъ о другомъ.

Мы, дѣйствительно, разговорились. Венцель, видимо, очень много читалъ и, какъ сказалъ Залкинъ, зналъ и языки. Замѣчаніе капитана о томъ, что онъ «стихи долбитъ», тоже оказалось вѣрнымъ: мы заговорили о французахъ, и Венцель, съ чувствомъ прочелъ «Декабрьскую ночь» Альфреда де-Мюссе. Онъ читалъ хорошо: просто и выразительно, и съ хорошимъ французскимъ выговоромъ. Кончивъ, онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Да, это хорошо; но всѣ французы вмѣстѣ не стоятъ десяти строкъ Шиллера, Гётте и Шекспира.

Завѣдуя полковой библіотекой, пока не принялъ роту, онъ прилежно слѣдилъ и за русской литературой. Отъ этого разговоръ вернулся къ прежнему предмету. Венцель спорилъ горячо.

— Когда я, почти мальчикомъ, поступилъ въ полкъ, я не думалъ того, что говорю вамъ теперь. Я старался дѣйствовать словомъ, я старался пріобрѣсти нравственное вліяніе. Но прошелъ годъ, и они вытянули изъ меня всѣ жилы. Все, что осталось отъ такъ называемыхъ хорошихъ книжекъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, оказалось сентиментальнымъ вздоромъ. И теперь я думаю, что единственный способъ быть понятнымъ—вотъ!

Онъ сдѣлалъ какой-то жестъ рукою. Было такъ темно, что я не понялъ его.

— Что̀ жь это, Петръ Николаичъ?

— Кулакъ! отрѣзалъ онъ.—Прощайте, однако, пора спать.

Я сдѣлалъ ему подъ козырекъ и побрелъ къ своей палаткѣ. Мнѣ было и больно, и противно.

Въ палаткѣ, казалось, уже всѣ спали, но минуты

черезъ двѣ послѣ того, какъ я легъ, Өедоровъ, спавшій рядомъ со мною, тихо спросилъ:

— Михайлычъ, спите?

— Нѣтъ, не сплю.

— Съ Венцелемъ ходили?

— Съ нимъ самымъ.

— Что жъ онъ съ вами какъ? Смирный?

— Ничего, смирный; даже любезенъ.

— Ишь ты, вѣдь! Что значитъ свой братъ-баринъ! Не то, что съ нами.

— А что? развѣ очень сердитъ?

— Ини... бѣда! Трещатъ скулы во второй стрѣлковой. Звѣрь!

И онъ сейчасъ же уснулъ, такъ что въ отвѣтъ на мой слѣдующій вопросъ я услышалъ только его ровное и спокойное дыханіе. Я завернулся покрѣпче въ шинель, въ головѣ все спуталось и исчезло въ крѣпкомъ снѣ.

III.

За дождями наступили жары. Около этого времени, мы вышли съ проселка, гдѣ ноги вязли въ расползавшейся почвѣ, на большое шоссе, ведущее изъ Яссъ въ Бухарестъ. Первый нашъ переходъ по шоссе, отъ Текуча къ Берладу, навсегда останется въ памяти сдѣлавшихъ его. Было 35 градусовъ въ тѣни; переходъ былъ сорокъ восемь верстъ. Было тихо; мелкая известковая пыль, подымаемая тысячами ногъ, стояла надъ шоссе; она лѣзла въ носъ и ротъ, пудрила волосы, такъ что нельзя было разобрать ихъ цвѣта;

смѣшанная съ потомъ, она покрыла всѣ лица грязью и превратила всѣхъ въ негровъ. Почему-то мы шли тогда не въ рубахахъ а въ мундирахъ. Солнце нагрѣвало черное сукно, невыносимо пекло головы сквозь черныя кепи; ноги чувствовали сквозь подошву раскаленный щебень шоссе. Люди задыхались. На бѣду, колодцы были рѣдки, и въ большей части ихъ было такъ мало воды, что голова нашей колонны (шла цѣлая дивизія) вычерпывала всю воду, и намъ, послѣ страшной давки и толкотни у колодцевъ, доставалась только глинистая жидкость, скорѣе грязь, чѣмъ вода. Когда не хватало и ея, люди падали. Въ этотъ день въ одномъ нашемъ батальонѣ упало на дорогѣ около девяноста человѣкъ. Трое умерло отъ солнечнаго удара.

Я выносилъ эту пытку, сравнительно съ другими, легко. Можетъ быть, потому, что нашъ полкъ былъ набранъ большею частью изъ сѣверянъ, а я съ дѣтства привыкъ къ степнымъ жарамъ, а можетъ быть, тутъ дѣйствовали и иныя причины.

Какъ бы то ни было, когда другіе падали на дорогѣ, я все-таки еще помнилъ себя. Въ Текучѣ я запасся огромною тыквенною кубышкою, въ которую входило, по крайней мѣрѣ, бутылки четыре. Дорогой мнѣ пришлось не разъ наполнять ее водой; половину этой воды я влилъ въ себя, другую раздалъ сосѣдямъ. Идетъ человѣкъ, перемогается, но жара беретъ свое: ноги начинаютъ подгибаться, тѣло качается, какъ у пьянаго; сквозь слой грязи и пыли видно, какъ багровѣетъ лицо; рука судорожно стискиваетъ винтовку. Глотокъ воды оживляетъ его на нѣсколько минутъ, но въ концѣ концовъ человѣкъ безъ памяти валится на пыльную и жесткую дорогу. «Дневальный!» кричатъ хриплые голоса. Обязанность дневальнаго—

оттащить упавшаго въ сторону и помочь ему; но и самъ дневальный почти въ такомъ же состояніи. Канавы по сторонамъ шоссе усѣяны лежащими людьми... Өедоровъ и Житковъ идутъ рядомъ со мною и хотя видимо страдаютъ, но крѣпятся. Жара произвела на нихъ дѣйствіе сообразно съ ихъ характерами, но только въ обратную сторону; Өедоровъ молчитъ и только иногда тяжело вздыхаетъ, жалобно посматривая своими прекрасными, а теперь воспаленными отъ пыли глазами; дядя Житковъ ругается и резонерствуетъ.

— Ишь, валится... Штыкомъ задѣнешь, чоортъ! сердито кричитъ онъ, отклоняясь отъ штыка упавшаго солдата, который чуть не попалъ ему остріемъ въ глазъ.—Господи! Царица небесная! за что ты на насъ посылаешь? Кабы не живодеръ этотъ, и самъ бы, кажись, упалъ.

— Кто живодеръ, дядя? спрашиваю я.

— Нѣмцевъ, штабсъ-капитанъ. Нонче онъ дежурный; сзади идетъ. Лучше идти, а то такъ отработаетъ... Мѣста живого не оставитъ.

Я зналъ уже, что солдаты передѣлали фамилію «Венцель» въ «Нѣмцевъ». Выходило похоже, и по-русски.

Я вышелъ изъ рядовъ. Въ сторонкѣ отъ шоссе идти было немного легче: не было такой пыли и толкотни. Сторонкой шли многіе: въ этотъ несчастный день никто не заботился о сохраненіи правильнаго строя. Понемногу я отсталъ отъ своей роты и очутился въ хвостѣ колонны.

Венцель, измученный, задыхающійся, но возбужденный догналъ меня.

— Каково? спросилъ онъ осипшимъ голосомъ.—Пройдемтесь стороною. Я совершенно измученъ.

— Хотите воды?

Онъ жадно выпилъ нѣсколько большихъ глотковъ изъ моей кубышки.

— Благодарю. Легче стало. Ну, денекъ!

Нѣсколько времени мы шли рядомъ молча.

— Кстати,—сказалъ онъ:—вы такъ и не перебрались къ Ивану Платонычу?

— Нѣтъ, не перебрался.

— Глупо. Извините за откровенность. До свиданья; мнѣ надо въ хвостъ колонны. Что-то ужь очень много этихъ нѣжныхъ созданій падаетъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ и повернувъ голову назадъ, я увидѣлъ, что Венцель наклонился надъ упавшимъ солдатомъ и тащитъ его за плечо.

— Вставай, каналья! Вставай!

Я не узналъ своего образованнаго собесѣдника. Онъ сыпалъ грубыми ругательствами безъ перерыва. Солдатъ былъ почти безъ чувствъ и съ безнадежнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на взбѣшеннаго офицера. Губы его шептали что-то.

— Вставай! Сейчасъ же вставай! А! Ты не хочешь? Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

Венцель схватилъ свою саблю и началъ наносить ея желѣзными ножнами ударъ за ударомъ по измученнымъ ранцемъ и ружьемъ плечамъ несчастнаго. Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— Петръ Николаевичъ!

— Вставай!... Рука съ саблею еще разъ поднялась для удара. Я успѣлъ крѣпко схватить ее.

— Бога ради, Петръ Николаевичъ, оставьте его!

Онъ обернулъ ко мнѣ разъяренное лицо. Съ выкатившимися глазами и съ судорожно искривленнымъ ртомъ онъ былъ страшенъ. Рѣзкимъ движеніемъ онъ

вырвалъ свою руку изъ моей. Я думалъ, что онъ разразится на меня грозой за мою дерзость (схватить офицера за руку, дѣйствительно, было крупною дерзостью), но онъ сдержалъ себя.

— Слушайте, Ивановъ, не дѣлайте этого никогда! Еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ какой-нибудь бурбонъ, вродѣ Щурова или Тимоѳеева, вы бы дорого заплатили за вашу шутку. Вы должны помнить, что вы рядовой, и что васъ за подобныя вещи могутъ безъ дальнихъ словъ—разстрѣлять!

— Все равно. Я не могъ видѣть и не вступиться.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ нѣжнымъ чувствамъ. Но прилагаете вы ихъ не въ то мѣсто. Развѣ можно иначе съ этими... (его лицо выразило презрѣніе, даже больше, какую-то ненависть).—Изъ этихъ десятковъ, свалившихся какъ бабы, можетъ быть, только нѣсколько человѣкъ дѣйствительно изнемогли. Я дѣлаю это не изъ жестокости: во мнѣ ея нѣтъ. Нужно поддерживать спайку, дисциплину. Еслибъ съ ними можно было говорить, я бы дѣйствовалъ словомъ. Слово для нихъ—ничто. Они чувствуютъ только *боль*.

Я не дослушалъ его и пустился догонять свою уже далеко ушедшую роту. Я догналъ Ѳедорова и Житкова, когда нашъ батальонъ свели съ шоссе на поле и скомандовали остановиться.

— Что это вы, Михайлычъ, съ штабсъ-капитаномъ Венцелемъ говорили? спросилъ Ѳедоровъ, когда я въ изнеможеніи упалъ возлѣ него, едва успѣвъ поставить ружье.

— Говорилъ! пробурчалъ Житковъ.—Нешто такъ говорятъ? Онъ его за руку схватилъ. Эхъ, баринъ Ивановъ, берегитесь Нѣмцева, не смотрите, что онъ

разговаривать съ вами охочъ: пропадете вы съ нимъ ни за денежку!

IV.

Поздно вечеромъ мы добрались до Фокшанъ, прошли черезъ неосвѣщенный, безмолвный и пыльный городокъ и вышли куда-то въ поле. Не было видно ни зги; кое-какъ поставили батальоны, и измученные люди уснули, какъ убитые; никто почти не захотѣлъ ѣсть приготовленнаго «обѣда». Солдатская ѣда всегда «обѣдъ», случится ли она раннимъ утромъ, днемъ или ночью. Цѣлую ночь подтягивались отсталые. На зарѣ мы опять выступили, утѣшаясь тѣмъ, что черезъ переходъ будетъ дневка.

Снова движущіеся ряды; снова ранецъ давитъ онѣмѣвшія плечи, снова болятъ истертыя и налившіяся кровью ноги. Но первыя десять верстъ почти ничего не сознаешь. Короткій сонъ не можетъ уничтожить усталости вчерашняго дня, и люди шагаютъ совсѣмъ сонные. Мнѣ случилось спать на ходу до такой степени крѣпко, что, остановившись на привалѣ, я не вѣрилъ, что мы уже прошли десять верстъ, и не помнилъ ни одного мѣста изъ пройденнаго пути. Только когда передъ приваломъ колонны начинаютъ подтягиваться и перестраиваться для остановки, просыпаешься, и съ радостью думаешь о цѣломъ часѣ отдыха, когда можно развьючиться, вскипятить воду въ котелкѣ и полежать на свободѣ, попивая горячій чай. Какъ только ружья поставлены и ранцы сняты, большая часть людей принимается собирать топливо, почти всегда сухіе стебли прошлогодней кукурузы. Въ землю втыкаются два штыка;

на нихъ кладется шомполъ, а на него вѣшаются два или три котелка. Сухіе, рыхлые стебли горятъ ясно и весело; раскладываютъ ихъ всегда съ надвѣтренной стороны: пламя лижетъ закопченные котелки, и черезъ десять минутъ вода бьетъ ключомъ. Чай бросали прямо въ кипятокъ и давали ему вывариться: получалась крѣпкая, почти черная жидкость, которую пили большею частью безъ сахару, такъ казна, выдававшая очень много чая (его даже курили, когда не хватало табаку), давала очень мало сахара, а пили въ огромномъ количествѣ. Котелокъ, въ который входило семь стакановъ, составляетъ обыкновенную порцію для одного.

Можетъ быть, страннымъ покажется, что я такъ распространяюсь о мелочахъ. Но солдатская походная жизнь такъ тяжела, въ ней столько лишеній и мученья, впереди такъ мало надежды на хорошій исходъ, что и какой-нибудь чай или тому подобная маленькая роскошь составляли огромную радость. Нужно было видѣть съ какими серьезными и довольными лицами загорѣлые, грубые и суровые солдаты, молодые и старые—правда, старше сорока лѣтъ между нами почти не было—точно дѣти, подкладывали подъ котелки палочки и стебельки, поправляли огонь и совѣтовали другъ другу:

— Ты, Лютиковъ, туды, туды, къ краю ее суй! Такъ!.. пошла, пошла... занялась, Ну, сейчасъ закипитъ!

Чай, изрѣдка въ холодную и дождливую погоду чарка водки, да трубка табаку—вотъ и вся солдатская отрада, не считая, конечно, всеисцѣляющаго сна, когда можно забыться и отъ тѣлесныхъ невзгодъ, и отъ мыслей о темномъ, страшномъ будущемъ. Табакъ игралъ не послѣднюю роль среди этихъ благъ жизни, возбуждая и поддерживая утомленные нервы. Туго набитая трубка обходила человѣкъ десять и возвращалась къ хозяину,

который затягивался въ послѣдній разъ, выколачивалъ золу и важно пряталъ трубку за голенище. Помню, какъ огорчила меня потеря моей трубки однимъ изъ пріятелей, которому я далъ ее покурить, и какъ самъ онъ былъ огорченъ и пристыженъ. Точно будто онъ потерялъ цѣлое врученное ему состояніе...

На большомъ привалѣ (около полудня) мы отдыхали часа полтора — два. Послѣ чаепитія обыкновенно все засыпало. На бивуакѣ тишина; только часовой у знамени ходитъ взадъ и впередъ, да не спитъ кое-кто изъ офицеровъ. Лежишь на землѣ, положивъ ранецъ подъ голову, и не то спишь, не то бодрствуешь; горячее солнце палитъ лицо и шею, мухи надоѣдливо кусаютъ и не даютъ уснуть какъ слѣдуетъ. Грезы мѣшаются съ дѣйствительностью: такъ недавно еще жилъ жизнью, совершенно непохожею на эту, что въ полубезсознательной дремотѣ все кажется, что вотъ-вотъ проснешься, очнешься дома, въ привычной обстановкѣ, и исчезнетъ эта степь, эта голая земля, съ колючками вмѣсто травы, это безжалостное солнце и сухой вѣтеръ, эта тысяча странно одѣтыхъ въ бѣлыя, запыленныя рубахи людей, эти ружья въ козлахъ. Все это такъ похоже на тяжелый, страшный сонъ..

— Встава-а-ть! протяжно и сурово командуетъ сильнымъ голосомъ нашъ маленькій, бородатый батальонный командиръ, маіоръ Черноглазовъ. И лежащая толпа бѣлыхъ рубахъ шевелится; кряхтя и потягиваясь подымаются люди, надѣваютъ сумки и ранцы и выстраиваются въ ряды.

— Въ ружье!

Мы разбираемъ ружья. До сихъ поръ хорошо помню я свою винтовку № 18,635, съ прикладомъ немного темнѣе, чѣмъ у другихъ, и длинной царапиной по

темному лаку. Еще команда, и батальонъ, вытягиваясь, поворачиваетъ на дорогу. Впереди всѣхъ ведутъ коня командира, гнѣдого жеребца Варвара; онъ выгибаетъ шею и играетъ, и бьетъ копытами; маiоръ садится на него только въ крайнихъ случаяхъ, постоянно шагая во главѣ батальона за своимъ Варваромъ ровнымъ шагомъ настоящаго пѣхотинца. Онъ показываетъ солдатамъ, что и начальство тоже «старается», и солдаты любятъ его за это. Онъ всегда хладнокровенъ и спокоенъ, никогда не шутитъ и не улыбается; подымается утромъ раньше всѣхъ, ложится вечеромъ послѣднимъ; обращается съ людьми твердо и сдержанно, не позволяя себѣ драться и кричать безъ толку. Говорятъ, что если бы не маiоръ, то Венцель не то бы еще дѣлалъ.

Сегодня жарко, но не такъ, какъ вчера. Къ тому же мы идемъ уже не по шоссе, а рядомъ съ желѣзной дорогой, по узкому проселку, такъ что большая часть движется по травѣ. Пыли нѣтъ; набѣгаютъ тучи: нѣтъ-нѣтъ, да и капнетъ рѣдкая, крупная капля. Мы смотримъ на небо, выставляемъ руки, пробуя, не идетъ ли дождь. Даже вчерашнiе отсталые приободрились: идти уже недалеко, какихъ-нибудь десять верстъ, а тамъ отдыхъ, вождолѣнный отдыхъ, въ которомъ пройдетъ не одна короткая ночь, а ночь, цѣлый день и еще ночь. Развеселившимся людямъ хочется пѣть; Өедоровъ заливается среди пѣсенниковъ: слышна знаменитая:

«И было дѣло подъ Полтавой...»

Пропѣвъ, какъ «вдругъ одна злодѣйка пуля въ шляпу царскую впилась», онъ затягиваетъ безсмысленную и непристойную, но самую ходкую у солдатъ пѣсню о томъ, какъ какая-то Лиза, пойдя въ лѣсъ, нашла черного жука, и что изъ этого вышло. Затѣмъ еще исто-

рическая пѣсня про Петра, какъ его требуютъ въ сенатъ. И въ довершеніе всего доморощенная пѣсня нашего полка:

«Какъ пріѣхалъ Бѣлый Царь, Александра Государь,
Вы, ребята, подтянитесь, предъ царемъ подбодритесь!
Мы пріемы отхватали, благодарность получали.
. . . .
Батальонный командиръ, Черноглазовъ господинъ,
Онъ не спалъ, не дремалъ, батальонъ свой обучалъ.
Онъ на лошади сидѣлъ, никого знать не хотѣлъ».

И такъ далѣе, стиховъ пятьдесятъ.

— Ѳедоровъ! спросилъ я однажды:—зачѣмъ вы несете эту чепуху объ Лизѣ? Я назвалъ еще нѣсколько пѣсенъ, нелѣпыхъ и циничныхъ до такой степени, что самый цинизмъ ихъ терялъ всякое значеніе и являлся въ видѣ совершенно безсмысленныхъ звуковъ.

— Повелось такъ, Владиміръ Михайлычъ. Да что! развѣ это пѣнье? это такъ, вродѣ крику для моціону груди. Ну, и идти веселѣе.

Устанутъ пѣсенники, начнутъ играть музыканты. Подъ мѣрный, громкій и, большею частью, веселый маршъ идти гораздо легче; всѣ, даже самые утомленные, пріосанятся, отчетливо шагаютъ въ ногу, сохраняютъ равненіе: батальонъ узнать нельзя. Помню, однажды мы прошли подъ музыку больше шести верстъ въ одинъ часъ, не замѣчая усталости; но, когда измученные музыканты перестали играть, вызванное музыкою возбужденіе исчезло, и я почувствовалъ, что вотъ-вотъ упаду, да и упалъ бы, не случись во-время остановки на отдыхъ.

Верстъ черезъ пять послѣ привала, намъ встрѣтилось препятствіе. Мы шли долиною какой-то рѣчки; съ одной стороны были горы, съ другой — узкая и до-

вольно высокая насыпь желѣзной дороги. Недавно прошедшіе дожди затопили долину, образовавъ на нашемъ пути большую лужу, саженъ въ тридцать шириною. Полотно желѣзной дороги возвышалось на ней плотиной, и намъ пришлось проходить по немъ. Будочникъ желѣзной дороги пропустилъ первый батальонъ, который благополучно перебрался на ту сторону лужи; но затѣмъ объявилъ, что черезъ пять минутъ пойдетъ поѣздъ, и что намъ нужно ждать. Мы остановились, и только что составили ружья, какъ на поворотѣ дороги показалась знакомая коляска бригаднаго генерала.

Нашъ бригадный генералъ былъ человѣкъ бравый. Горла, подобнаго тому, которымъ онъ владѣлъ, мнѣ никогда не случалось встрѣчать и въ архіерейскихъ хорахъ. Раскаты его баса гремѣли въ воздухѣ подобно трубному звуку; и его крупная, тучная фигура съ красной, толстой головой, сизыми, огромными, развѣвающимися по вѣтру бакенбардами, съ черными, толстыми бровями надъ маленькими, блестѣвшими какъ угли, глазами, когда онъ, сидя на конѣ, командовалъ бригадой, была самая внушительная. Однажды, на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, во время какихъ-то военныхъ упражненій, онъ выказалъ себя до такой степени воинственнымъ и бравымъ, что привелъ въ совершенный восторгъ стоявшаго въ толпѣ стараго мѣщанина, который при этомъ воскликнулъ:

— Молодчага! Намъ такихъ и надо!

Съ тѣхъ поръ за генераломъ навсегда утвердилось прозваніе «молодчаги».

Онъ мечталъ о подвигахъ. Нѣсколько томиковъ по военной исторіи сопровождали его во весь походъ. Любимымъ разговоромъ его съ офицерами была критика наполеоновскихъ кампаній. Объ этомъ я, конечно,

зналъ только по слухамъ, такъ какъ очень рѣдко видывалъ нашего генерала; большею частью, онъ обгонялъ насъ на срединѣ перехода въ своей коляскѣ, запряженной хорошею тройкою, пріѣзжалъ на мѣсто ночлега, занималъ квартиру и оставался тамъ до поздняго утра, а днемъ снова обгонялъ насъ, причемъ солдаты всегда обращали вниманіе на степень багровости его лица и большую или меньшую хриплость, съ какою онъ, оглушительно кричалъ намъ:

— Здорово, старобѣльцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! отвѣчали, солдаты, и при этомъ прибавляли:

— Опохмѣляться ѣдетъ молодчага!

И генералъ проѣзжалъ дальше, иногда безъ всякихъ послѣдствій, а иногда задавъ громоподобную головомойку какому-нибудь ротному командиру.

Завидѣвъ остановившійся батальонъ, генералъ подлетѣлъ къ намъ и выскочилъ изъ коляски такъ скоро, какъ только позволяла ему его тучность. Маіоръ быстро подошелъ къ нему.

— Что такое? Почему остановились. Кто позволилъ?

— Ваше превосходительство, залило дорогу, а по полотну сейчасъ долженъ пройти поѣздъ.

— Залило дорогу? Поѣздъ? Вздоръ! Вы пріучаете солдатъ нѣжничать! Вы дѣлаете изъ нихъ бабъ! Безъ приказанія не останавливаться! Я васъ, милостивый государь, подъ арестъ...

— Ваше превосходительство...

— Не разсуждать!

Генералъ грозно повелъ глазами и обратилъ свое вниманіе на другую жертву.

— Это что такое? Почему командиръ второй стрѣл-

ковой роты не на мѣстѣ? Штабсъ-капитанъ Венцель! пожалуйте сюда!

Венцель подошелъ. На него полился потокъ генеральскаго гнѣва. Я слышалъ, какъ онъ пробовалъ что-то отвѣтить, возвысивъ голосъ, но генералъ заглушилъ его, и можно было только догадаться, что Венцель сказалъ что-то непочтительное.

— Разсуждать?! Грубить?! гремѣлъ генералъ:—молчать! Снимите съ него саблю! Къ денежному ящику, подъ арестъ! Примѣръ людямъ... Струсили лужи! Ребята, за мной! По-суворовски!

Генералъ быстро прошелъ мимо батальона къ водѣ неловкою походкой человѣка, долго ѣхавшаго въ экипажѣ.

— За мной, ребята! По-суворовски! повторилъ онъ и пошелъ въ своихъ лакированныхъ ботфортахъ въ воду. Маіоръ съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ оглянулся назадъ и пошелъ рядомъ съ генераломъ. Батальонъ тронулся за ними. Воды сначала было по колѣно, потомъ по поясъ, потомъ еще выше; высокій генералъ шелъ свободно, но маленькій маіоръ уже барахтался руками. Солдаты, точно гурьба овецъ во время перегона черезъ рѣчку, толкались, вязли въ размокшемъ днѣ; вырывая ноги, метались изъ стороны въ сторону. Ротные командиры и батальонный адъютантъ, ѣхавшіе верхомъ, которымъ можно было бы весьма удобно переѣхать черезъ лужу, видя передъ собой примѣръ генерала, подъѣзжали къ ней, спѣшивались и, ведя лошадей на поводу, вступали въ грязную, взбудораженную сотнями солдатскихъ ногъ воду. Наша рота, состоявшая изъ самыхъ высокихъ въ батальонѣ людей, переходила довольно удобно, но шедшая рядомъ съ нами малорослая восьмая рота, гдѣ были все люди 2—4 вершковъ, едва брела по уши въ водѣ; нѣкоторые даже

захлебывались и хватались за насъ. Маленькій солдатикъ-цыганъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и широко раскрытыми черными глазами ухватилъ дядю Житкова за шею обѣими руками, бросивъ свое ружье; къ счастью для цыгана кто-то подхватилъ на лету казенное оружіе и спасъ его отъ потопленія. Саженъ черезъ десять, лужа стала мельче, и всѣ уже въ безопасности спѣшили поскорѣе выбраться, толкались и ругались. У насъ многіе смѣялись; солдатамъ восьмой роты было не до смѣха; лица у многихъ посинѣли не отъ одного холода. Сзади напирали стрѣлки.

— Ну, карапузы, выбирайся! Потопли! кричали они.

— Очень просто, что потонуть можно, —отзывались въ восьмой ротѣ.—Ему хорошо идти; ишь, только баки свои замочилъ. Ерой выискался! Тутъ народъ перетопить можно.

— А ты бы ко мнѣ въ котелокъ сѣлъ. Сухенькимъ бы доставилъ.

— То-то и есть, братецъ, что не въ догадку, было, благодушно отвѣчалъ на насмѣшку маленькій солдатикъ.

Виновникъ всей этой суматохи, уже успѣвшій вытащить ноги изъ вязкаго дна и выйти изъ воды, величественно стоялъ на берегу, смотря на барахтавшуюся въ водѣ массу людей. Онъ промокъ до послѣдней нитки, и, дѣйствительно, замочилъ себѣ и длинныя баки. Вода текла по его одеждѣ; полныя воды лакированныя голенища раздулись, а онъ все кричалъ, поощряя солдатъ:

— Впередъ, ребята! По-суворовски!

Мокрые офицеры съ мрачными лицами толпились вокругъ него. Тутъ стоялъ и Венцель съ искаженнымъ лицомъ, и уже безъ сабли. Между тѣмъ генеральскій кучеръ, походивъ у берега и посовавъ въ воду кнутовищемъ, сѣлъ на козлы и благополучно переѣхалъ че-

резъ воду немного въ сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ перешли мы; воды едва хватало по оси коляски.

— Вотъ гдѣ, ваше превосходительство, переходить нужно было, спокойно сказалъ маіоръ.—Прикажете людямъ обсушиться?

— Конечно, конечно, Сергѣй Николаичъ,—мирно отвѣтилъ генералъ. Холодная вода охладила его пылъ. Онъ влѣзъ въ коляску, сначала сѣлъ, потомъ опять всталъ и закричалъ во всю мочь своего богатырскаго голоса:

— Спасибо, старобѣльцы! Молодцами!

— Рады стараться, ваше превосходительство! нестройно грянули солдаты. И мокрый генералъ уѣхалъ впередъ.

Солнце стояло еще высоко; идти оставалось только пять верстъ; маіоръ сдѣлалъ большой привалъ. Мы раздѣлись, развели костры, обсушили платье, сапоги, ранцы, сумки, и часа черезъ два тронулись въ путь, уже со смѣхомъ вспоминая купанье.

— А Венцеля-то молодчага подъ арестъ отправилъ! сказалъ между прочимъ Ѳедоровъ.

— Ничего, пущай его за денежнымъ ящикомъ денька два походитъ, отвѣчали сзади изъ стрѣлковой роты.

— Тебѣ-то что?

— Мнѣ-то? Не то что мнѣ, а всей ротѣ легче. Хоть на два дня отдохнемъ. Мочи отъ него нѣтъ—вотъ мнѣ что!

— Терпи, казакъ, атаманъ будешь.

— Терпѣть надо, а атаманами-то ужь развѣ на томъ свѣтѣ будемъ,—проговорилъ Житковъ по обыкновенію мрачнымъ голосомъ.—Ежели турка подстрѣлитъ.

— А вы, дяденька, въ отчаянность не впадайте. Вы то̀ подумайте: вотъ мы съ вами обсушились, су-

хонькіе идемъ, а молодчага-то сырой катитъ,—сказалъ Өедоровъ, и кругомъ всѣ разсмѣялись.

V.

Мы шли все рядомъ съ желѣзной дорогой; поѣзды, наполненные людьми, лошадьми и припасами, постоянно обгоняли насъ. Солдаты съ завистью смотрѣли на проносившіеся мимо насъ товарные вагоны, изъ открытыхъ дверей которыхъ выглядывали лошадиныя морды.— Ишь ты, лошадямъ честь какая! А мы иди!

— Лошадь глупа, она съ тѣла спадетъ,—резонерствовалъ на это Василій Карпычъ.—А ты на то человѣкъ есть, чтобы себя соблюсти какъ слѣдоваетъ.

Однажды на привалѣ къ начальству прискакалъ казакъ съ важнымъ извѣстіемъ. Насъ подняли и выстроили безъ ранцевъ и безъ оружія, въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ. Нико изъ насъ не зналъ, зачѣмъ это дѣлается. Офицеры осмотрѣли людей; Венцель, по обыкновенію, кричалъ и ругался, дергая за дурно надѣтые кушаки и съ пинками приказывая оправить рубахи. Потомъ насъ повели къ полотну желѣзной дороги, и, послѣ довольно долгихъ построеній, полкъ вытянулся въ двѣ шеренги вдоль пути. На версту протянулась бѣлая линія рубахъ.

— Ребята! закричалъ маіоръ.—Государь Императоръ проѣдетъ!

И мы начали ждать Государя. Наша дивизія была довольно глухая, стоявшая вдали и отъ Петербурга, и отъ Москвы. Изъ солдатъ развѣ только одна десятая часть видѣла царя, и всѣ ждали царскаго поѣзда съ

нетерпѣніемъ. Прошло полчаса; поѣздъ не шелъ; людямъ позволили присѣсть. Начались разсказы и разговоры.

— Остановится? спросилъ кто-то.

— Держи карманъ! для каждаго полка останавливаться! Поглядитъ на насъ изъ окошечка, и то ладно.

— И не разберемъ, братцы, который: генераловъ-то съ нимъ много ѣдетъ.

— Я-то разберу. Я его на Ходынкѣ въ позапрошедшемъ году вотъ какъ видѣлъ.

И солдатъ протянулъ руку, чтобы показать какъ близко онъ видѣлъ Государя.

Наконецъ, послѣ двухчасоваго ожиданія, вдали показался дымокъ. Полкъ всталъ и выровнялся. Сначала прошелъ поѣздъ съ прислугою и кухнею. Повара и поваренки въ бѣлыхъ колпакахъ выглядывали на насъ изъ оконъ и чему-то смѣялись. Саженяхъ въ двухстахъ шелъ царскій поѣздъ; машинистъ, видя выстроившійся полкъ, убавилъ хода, и вагоны, медленно громыхая, проходили передъ глазами, жадно смотрѣвшими на окна. Но всѣ они были завѣшены; казакъ и офицеръ, стоявшіе на площадкѣ задняго вагона, были единственные люди на поѣздѣ, которыхъ мы увидѣли. Мы посмотрѣли на уходившій быстрѣе и быстрѣе поѣздъ, постояли еще минуты три и пошли на бивуакъ. Солдаты были разочарованы и выражали огорченіе.

— Въ кои-то вѣки теперь его увидимъ!

Но мы увидѣли его скоро. Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно-навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ

не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика; только ружье, да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было идти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе; шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное «ура!» Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій; что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничто-

жить. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. «Ты ведешь насъ,—думалъ каждый:—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть.»

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все что явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой

шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ «ура!»

Все это промелькнуло и исчезло. Пыльныя улицы, залитыя палящимъ зноемъ; измученные возбужденіемъ и почти бѣглымъ шагомъ на пространствѣ цѣлой версты солдаты, изнемогающіе отъ жажды; крикъ офицеровъ, требующихъ, чтобы всѣ шли въ строю и въ ногу — вотъ все, что я видѣлъ и слышалъ пять минутъ спустя. И когда мы прошли еще версты двѣ душнымъ городомъ и пришли на выгонъ, отведенный намъ подъ бивуакъ, я бросился на землю, совершенно разбитый и тѣломъ и душою.

VI.

Трудные переходы, пыль, жара, усталость, сбитыя до крови ноги, коротенькіе отдыхи днемъ, мертвый сонъ ночью, ненавистный рожокъ, будящій чуть свѣтъ. И все поля, поля, непохожія на родныя, покрытыя высокою зеленою, громко шелестящею длинными шелковистыми листьями кукурузой, или тучной пшеницей, уже начавшей кое-гдѣ желтѣть.

Тѣ же лица, та же полковая походная жизнь, тѣ же разговоры и разсказы о домѣ, о стоянкѣ въ губернскомъ городѣ, пересуды объ офицерахъ.

О будущемъ говорили рѣдко и неохотно. Зачѣмъ шли на войну—знали смутно, несмотря на то, что цѣлые полгода простояли не далеко отъ Кишинева, готовые къ походу; въ это время можно было бы объяснить людямъ значеніе готовящейся войны, но,

должно быть, это не считалось нужнымъ. Помню, разъ спросилъ меня солдатъ:

— А что, Владиміръ Михайловичъ, скоро ли въ бухарскую землю прійдемъ?

Я подумалъ сначала, что ослышался, но, когда онъ повторилъ вопросъ, отвѣтилъ, что бухарская земля за двумя морями, что до нея тысячи четыре верстъ, и что врядъ ли мы когда-нибудь попадемъ туда.

— Нѣтъ, Михайлычъ. вы не такъ теперь говорите. Мнѣ писарь сказывалъ. Перейдемъ, говоритъ, черезъ Дунай, тутъ сейчасъ и будетъ бухарская земля.

— Такъ не бухарская—болгарская! воскликнулъ я.

— Ну, бургарская, бухарская, какъ тамъ ее по вашему; не все одно, что ли?

И онъ замолчалъ, видимо недовольный.

Знали мы только, что турку бить идемъ, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ («которую тысячу верстъ до него, поганаго, тащимся!»), билетнымъ солдатамъ побросать домà и семьи, а всѣмъ вмѣстѣ идти куда-то подъ пули и ядра. Турка представлялся бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить.

Гораздо больше, чѣмъ войной, мы занимались своими семейными, батальонными и ротными дѣлами. Въ нашей ротѣ все было тихо и спокойно; у стрѣлковъ дѣла шли хуже и хуже. Венцель не унимался; скрытое негодованіе росло, и послѣ одного случая, котораго и теперь, черезъ пять лѣтъ, я не могу вспомнить безъ тяжелаго волненія, дошло до настоящей ненависти.

Мы только-что прошли какой-то городъ и вышли

на лугъ, гдѣ уже расположился шедшій впереди насъ первый полкъ. Мѣстечко было хорошее: съ одной стороны рѣка, съ другой—старая чистая дубовая роща, вѣроятно, мѣсто гулянья для жителей городка. Былъ хорошій теплый вечеръ; солнце садилось. Полкъ сталъ; составили ружья. Мы съ Житковымъ начали натягивать палатку; поставили столбики; я держалъ одинъ край полы, а Житковъ палкой забивалъ колышекъ.

— Туже, туже держи, Михайлычъ!—(Онъ уже нѣсколько дней тому назадъ началъ говорить мнѣ ты).— Вотъ такъ, такъ!

Но въ это время сзади послышались какіе-то странные, мѣрные, плескающіе звуки. Я обернулся.

Стрѣлки стояли во фронтѣ. Венцель, что-то хрипло крича, билъ по лицу одного солдата. Съ помертвѣлымъ лицомъ, держа ружье у ноги, и не смѣя уклоняться отъ ударовъ, солдатъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Венцель изгибался своимъ худымъ и небольшимъ станомъ отъ собственныхъ ударовъ, нанося ихъ обѣими руками то съ правой, то съ лѣвой стороны. Кругомъ всѣ молчали; только и было слышно плесканье, да хриплое бормотанье разъяреннаго командира. У меня потемнѣло въ глазахъ; я сдѣлалъ движеніе. Житковъ понялъ его, и изо всѣхъ силъ дернулъ за полотнище.

— Держи, чортъ безрукій! закричалъ онъ и выругалъ меня самыми скверными словами.—Отсохли, что ли, руки-то? Куда смотришь? Чего не видалъ?

Удары сыпались. По верхней губѣ и подбородку солдата текла кровь. Наконецъ, онъ упалъ. Венцель отвернулся, окинулъ глазами всю роту и закричалъ:

— Если еще кто-нибудь посмѣетъ курить во фронтѣ, хуже изобью, каналью. Поднять его, обмыть рожу и

положить въ палатку. Пусть отлежится. Составь! скомандовалъ онъ ротѣ.

Руки у него тряслись, были красны, пухлы и въ крови. Онъ вынулъ платокъ, вытеръ руки и пошелъ прочь отъ составлявшихъ ружья въ козлы и тяжело молчавшихъ солдатъ. Нѣсколько человѣкъ, глухо переговариваясь, возились около избитаго и поднимали его. Венцель шелъ нервной, измученной походкой; онъ былъ блѣденъ, глаза его блистали, по игравшимъ мускуламъ видно было, какъ онъ стискивалъ зубы. Онъ прошелъ мимо насъ и, встрѣтивъ мой упорный взглядъ, неестественно насмѣшливо улыбнулся одиѣми тонкими губами и, прошептавъ что-то, пошелъ дальше.

— Кровопивецъ! съ ненавистью въ голосѣ сказалъ Житковъ.—А ты, баринъ, тоже!.. Чего лѣзть? Подъ разстрѣлъ угодить хочешь? Погоди, найдутъ и на него управу.

— Жаловаться пойдутъ? спросилъ я.—Кому?

— Нѣтъ, не жаловаться. Въ дѣйствіи тоже будемъ...

И онъ проворчалъ что-то, почти про себя. Я боялся понять его. Федоровъ, уже успѣвшій потолкаться между стрѣлками и разспросить, въ чемъ дѣло, вернулся къ намъ.

— Ни за что людей терзаетъ,—сказалъ онъ.—Какъ шли на походѣ, солдатикъ этотъ, Матюшкинъ, цыгарку курилъ. Стали,—онъ ружье взялъ къ ногѣ, а цыгарка мржду пальцами; забылъ видно, на свою голову. Венцель и доглядѣлъ.

— Звѣрь! добавилъ онъ печально, укладываясь подъ готовую уже палатку.—И цыгарка-то ужь потухла; видно, что забылъ бѣдняга!

Черезъ нѣсколько дней мы пришли въ Александрію, гдѣ собралось очень много войскъ. Еще сходя съ высокой горы, мы видѣли огромное пространство, пестрѣвшее бѣлыми палатками, черными фигурами людей, длинными коновязями и блестѣвшими кое-гдѣ рядами мѣдныхъ пушекъ и зеленыхъ лафетовъ и ящиковъ. По улицѣ города ходили цѣлыя толпы офицеровъ и солдатъ. Изъ открытыхъ оконъ тѣсныхъ и грязныхъ гостиницъ слышалась заунывная и удалая венгерская музыка, звонъ посуды и шумные разговоры; лавки были набиты русскими покупателями. Непонимающіе другъ друга наши солдаты, румыны, нѣмцы и жиды громко кричали; споръ изъ-за курса бумажнаго рубля слышался на каждомъ шагу.

— Ты что мнѣ «*доу галаганъ*», черномазый чортъ... Гривенникъ давай! Эй, ты, *домнулъ!*

— *Унде эште пошта?* преувеличенно вѣжливо прикладывая руку къ козырьку кепи, спрашиваетъ щеголя-румына офицеръ, вооруженный «военнымъ переводчикомъ» —книжкой, которою тогда были снабжены войска. Румынъ объясняетъ ему; офицеръ перелистываетъ книжку, ища непонятныхъ словъ, и нечего не понимаетъ, но вѣжливо благодаритъ.

— Тьфу ты, братцы, что за народъ! И попы наши, и церкви наши, а понятія ни къ чему у нихъ нѣтъ! Рупъ серебряный хошь? кричитъ что есть мочи солдатъ съ рубахой въ рукахъ румыну, торгующему въ открытой лавкѣ.—За рубаху? *Патру франку!* Четыре франка? Онъ вынимаетъ монету, показываетъ ее, и дѣло кончается къ общему удовольствію.

— Сторонись, сторонись, земляки, генералъ идетъ! Высокій молодой генералъ въ щегольскомъ сюртукѣ, высокихъ сапогахъ и съ нагайкой на ремнѣ черезъ

плечо, быстро проходитъ по улицѣ. За нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ ординарецъ, маленькій азіятъ въ цвѣтномъ халатѣ и чалмѣ, съ огромной шашкой и револьверомъ у пояса. Генералъ, высоко держа голову и равнодушно-весело смотря на разступающихся и отдающихъ честь солдатъ, проходитъ въ гостиницу. Здѣсь, въ уголку, пріютились и мы съ Иваномъ Платонычемъ и Стебельковымъ, поглощая какое-то мѣстное кушанье, состоящее изъ краснаго перца съ мясомъ. Ободранная комната, установленная столиками, полна народа. Звонъ посуды, хлопанье пробокъ, трезвые и пьяные голоса, все покрывается оркестромъ, пріютившимся въ чемъ-то въ родѣ ниши, украшенной кумачными занавѣсками. Музыкантовъ пятеро: двѣ скрипки пилятъ съ остервенѣніемъ, віолончель вторитъ однообразными густыми нотами, контрабасъ реветъ, но всѣ эти инструменты составляютъ только фонъ для пятаго. Черномазый, кудрявый венгерецъ, почти мальчикъ, сидитъ впереди всѣхъ; за широкій воротникъ бархатной куртки у него всунутъ странный инструментъ. древняя цѣвница, точно такая, съ какою рисуютъ Пана и фавновъ. Это рядъ неравныхъ деревянныхъ трубочекъ, сложенныхъ вмѣстѣ, такъ-что открытые концы ихъ приходятся противъ губъ артиста. Венгерецъ, вертя головой то въ ту, то въ другую сторону, дуетъ въ эти трубки и извлекаетъ сильные, мелодическіе звуки, не похожіе ни на флейту, ни на кларнетъ. Самые хитрыя и трудныя колѣна продѣлываетъ онъ, тряся и вертя головой; черные, жирные волосы прыгаютъ на его головѣ и падаютъ на лобъ; лицо потно и красно, на шеѣ надулись жилы. Видно было, что ему нелегко... На нестройномъ фонѣ струнныхъ инструментовъ звуки цѣвницы вырисовывались рѣзко, отчетливо и дико-красиво.

Генералъ занялъ мѣсто за столомъ знакомыхъ ему офицеровъ, поклонился всѣмъ вставшимъ при его приходѣ и громко сказалъ: садитесь, господа!—что относилось къ нижнимъ чинамъ. Мы молча кончили обѣдъ; Иванъ Платонычъ приказалъ подать краснаго румынскаго вина, и послѣ второй бутылки, когда лицо у него повеселѣло и щеки и носъ приняли яркій оттѣнокъ, обратился ко мнѣ:

— Вы, юноша, скажите мнѣ... Помните, большой переходъ былъ?

— Помню, Иванъ Платонычъ.

— Вы тогда съ Венцелемъ говорили?

— Говорилъ.

— Вы схватили его за руку? спросилъ капитанъ неестественно-серьезнымъ тономъ. И когда я отвѣтилъ, что дѣйствительно схватилъ, испустилъ продолжительный и шумный вздохъ и безпокойно замигалъ глазами.

— Скверно вы сдѣлали... Глупо вы сдѣлали! Видите ли, я не выговоръ хочу вамъ дѣлать. Вы сдѣлали прекрасно... то есть противно дисциплинѣ... Чортъ знаетъ, что я несу! Вы меня извините...

Онъ замолчалъ, смотря въ полъ и отдуваясь. Я тоже молчалъ. Иванъ Платонычъ отхлебнулъ полстакана и хлопнулъ меня по колѣнкѣ.

— Дайте мнѣ обѣщаніе, что больше не сдѣлаете такой выходки. Я понимаю самъ... Свѣжему человѣку трудно. Ну, что же вы съ нимъ сдѣлаете? Этакая бѣшеная собака, этотъ Венцель! Ну, видите ли...

Иванъ Платонычъ, видимо, не находилъ словъ и, сдѣлавъ долгую паузу, снова прибѣгъ къ стакану.

— То-есть, видите ли... онъ хорошій человѣкъ, въ сущности. Это у него блажь какая-то, чортъ его знаетъ.

Вы сами видѣли, я тоже недавно ткнулъ солдата. Легонько. Ну, если дуракъ не понимаетъ своей собственной пакости, знаете, дерево этакое... Но вѣдь я, Владиміръ Михайлычъ, какъ отецъ. Ей Богу, безъ злобы, хоть и распалишься иногда. А тотъ—въ систему возвелъ. Эй, ты! крикнулъ онъ румыну-лакею:—*бгитс винъ нѣгру!* Еще вина! И когда нибудь подъ судъ попадетъ; а то еще хуже будетъ: обозлятся люди и въ первомъ же дѣлѣ... Жаль будетъ, потому что всетаки человѣкъ, знаете, хорошій. И даже теплый человѣкъ.

— Ну! протянулъ Стебельковъ.—Какой теплый человѣкъ будетъ такъ драться!

— Вы посмотрѣли бы, Иванъ Платоньічъ, что вашъ теплый человѣкъ недавно надѣлалъ.

И я разсказалъ капитану, какъ Венцель избилъ солдата за цыгарку.

— Ну, вотъ, вотъ... всегда такъ!—Иванъ Платоньічъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, останавливался и снова начиналъ говорить.—Но все-таки онъ не звѣрь. У кого люди лучше всѣхъ накормлены? У Венцеля. У кого лучше выучены? У Венцеля. У кого почти нѣтъ штрафованныхъ? Кто никогда не отдастъ подъ судъ—развѣ ужъ очень крупную пакость солдатъ сдѣлаетъ? Все онъ же. Право, если бы не эта несчастная слабость, его солдаты на рукахъ бы носили.

— Говорили вы съ нимъ объ этомъ, Иванъ Платоньічъ?

— Говорилъ и ссорился десять разъ. Что съ нимъ подѣлаешь! «Или, говоритъ, войско, или милиція». Фразы все какія-то глупыя выдумываетъ. «Война, говоритъ, такая жестокость, что если я жестокъ съ солдатами, то это капля въ морѣ»... «Они, говоритъ, стоятъ на такой низкой степени развитія»... Однимъ словомъ, чортъ знаетъ что такое! А между тѣмъ, пре-

красный человѣкъ. Не пьетъ, въ картинки не играетъ, дѣло ведетъ добросовѣстно, старику отцу и сестрѣ помогаетъ, товарищъ прекрасный! И образованный человѣкъ! Другого такого въ полку нѣтъ. И попомните мое слово: или подъ судъ попадетъ, или тѣ (онъ кивнулъ головой къ окну) разсудятъ. Скверно. Такъ-то, любезнѣйшій мой рядовой.

Иванъ Платонычъ ласково потрепалъ меня по погону; потомъ полѣзъ въ карманъ, досталъ табачницу и началъ свертывать толстѣйшую папиросу. Вложивъ ее въ огромный мундштукъ съ янтаремъ и надписью чернью по серебру: «Кавъ Казъ», а мундштукъ въ ротъ, онъ молча сунулъ табачницу мнѣ. Мы закурили всѣ трое и капитанъ началъ снова:

— Иногда, точно, бываетъ: нельзя не потрепать. Вѣдь они въ родѣ дѣтей. Балунова знаете?

Стебельковъ вдругъ расхохотался.

— Ну, не, чего, Стебелекъ! проворчалъ Иванъ Платонычъ.—Старый солдать, штрафованный. Онъ двадцатый годъ служитъ: все за разныя провинности не отпускаютъ. Ну, такъ вотъ онъ, шельма... Васъ еще не было тогда: передъ Кишиневымъ разъ выходили мы изъ деревни. Приказало начальство осмотрѣть у всѣхъ вторыя пары сапогъ. Выстроилъ я ихъ, хожу сзади и смотрю, торчатъ ли изъ ранцевъ головки. У Балунова нѣтъ. «Гдѣ сапоги?»—Въ ранецъ для сохраненія вложилъ, ваше благородіе.—«Врешь!»—Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: чтобъ не мокли, въ ранцѣ находятся!—Бойко такъ отвѣчаетъ бестія. «Снимай ранецъ, разстегивай.»—Вижу, не разстегиваетъ и тащитъ голенищи изъ-подъ крышки. «Разстегивай!»—Я, ваше благородіе, и такъ выну.—Однако заставилъ я его разстегнуть. Что жь вы думаете? тащитъ изъ

ранца за уши поросенка живаго! И рыльце веревочкой завязано, чтобы не визжалъ! Правой рукой подъ козырекъ, рожу этакую почтительную скорчилъ, а лѣвой поросенка держитъ. Стащилъ, подлецъ, у молдаванки. Ну, конечно, я его тутъ легонько ткнулъ!

Стебельковъ покатывался отъ хохота и едва выговорилъ:

— Да чѣмъ!.. ткнулъ-то, Ивановъ, поросенкомъ! Охо-хо-хо!.. Выхватилъ поросенка, да имъ!..

— Неужели безъ этого нельзя было обойтись, Иванъ Платоныч?

— Ахъ, вы! Дасадно, право, слушать. Не подъ судъ же мнѣ его было отдавать!

VII.

Ночью съ 14 на 15 іюня Өедоровъ разбудилъ меня.

— Михайлычъ, слышите?

— Что такое?

— Пальба. Дунай переходятъ.

Я началъ прислушиваться. Дулъ сильный вѣтеръ, гнавшій низкія черныя тучи, заслонявшія мѣсяцъ; онъ налеталъ на полотно, съ шумомъ шлепалъ его, гудѣлъ въ веревкахъ и тонко высвистывалъ гдѣ-то въ ружейныхъ козлахъ. Сквозь эти звуки иногда слышались глухіе удары.

— Народу-то теперь что валится...—вздохнувъ, прошепталъ Өедоровъ.—Насъ поведутъ или нѣтъ, какъ полагаете? Ухаетъ-то какъ! будто громъ!

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ гроза?

— Нѣтъ! какая гроза! Очень ужь правильно. Слышите? одна за одной, одна за одной.

Удары, дѣйствительно, раздавались правильно, черезъ извѣстные промежутки времени. Я вылѣзъ изъ-подъ палатки и сталъ смотрѣть по направленію выстрѣловъ. Вспышекъ огня не было видно. Иногда напряженнымъ глазамъ мерещился свѣтъ въ той сторонѣ, откуда гремѣли пушки, но это только обманъ.

— Вотъ оно, наконецъ! подумалось мнѣ.

И я старался представить себѣ, что дѣлается тамъ, въ темнотѣ. Мнѣ чудилась широкая черная рѣка съ обрывистыми берегами, совершенно непохожая на настоящій Дунай, какимъ я его увидѣлъ потомъ. Плывутъ сотни лодокъ; эти мѣрные частые выстрѣлы — по нимъ. Много ли уцѣлѣетъ ихъ? Холодная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. — Хотѣлъ бы ты быть тамъ? невольно спросилъ я самъ себя.

Я посмотрѣлъ на спящій лагерь: все было спокойно; между далекимъ громомъ орудій и шумомъ вѣтра слышалось мирное храпѣнье людей. И страстно захотѣлось мнѣ вдругъ, чтобы всего *этого* не было, чтобы походъ протянулся еще, чтобы этимъ спокойно спящимъ, а вмѣстѣ съ ними и мнѣ не пришлось идти туда, откуда гремѣли выстрѣлы.

Иногда канонада становилась сильнѣе: иногда мнѣ смутно слышался менѣе громкій, глухой шумъ. -Это стрѣляютъ ружейными залпами, думалъ я, не зная, что до Дуная еще двадцать верстъ и что болѣзненно настроенный слухъ самъ создавалъ эти глухіе звуки. Но, хотя и мнимые, они все-таки заставляли воображеніе работать и рисовать страшныя картины. Чудились крики и стоны, представлялись тысячи валящихся людей, отчаянное хриплое «ура!», атака въ штыки, рѣзня. А если отобьютъ, и все это даромъ?

Темный востокъ посѣрѣлъ; вѣтеръ сталъ утихать.

Тучи разошлись; умирающія звѣзды виднѣлись кое-гдѣ на поблѣднѣвшемъ, зеленоватомъ небѣ. Начало свѣтать; въ лагерѣ кое-кто проснулся, и услышавшіе звуки сраженія будили другихъ. Говорили мало и тихо. Неизвѣстность близко подошла къ людямъ: никто не зналъ, что будетъ завтра, и не хотѣлъ ни думать, ни говорить объ этомъ завтрашнемъ днѣ.

Я заснулъ на разсвѣтѣ и проснулся довольно поздно. Пушки продолжали глухо гремѣть, и, хотя никакихъ извѣстій съ Дуная не было, между нами ходили слухи, одинъ другого невѣроятнѣе. Одни говорили, что наши уже перешли и гонятъ турокъ; другіе, что переправа не удалась, что уничтожены цѣлые полки.

— Которыхъ потопили, которыхъ перестрѣляли, — заговорилъ кто-то.

— А ты ври больше,—оборвалъ его Василій Карпычъ.

— Зачѣмъ мнѣ врать, ежели правда.

— Правда! Тебѣ кто сказалъ?

— Чего?

— Правду-то! Откедова слышалъ? Мы всѣ знаемъ: пальба идетъ и больше ничего.

— Всѣ говорятъ. Къ генералу казакъ...

— Казакъ! Ты видѣлъ казака-то? какой онъ изъ себя есть, казакъ-то твой?..

— Казакъ, обыкновенно... какой казакъ должо̀нъ быть.

— То-то должо̀нъ! Языкъ-то у тебя—бабья балаболка. Сидѣлъ бы да молчалъ. Никого не было, неоткуда и знать.

Я пошелъ къ Ивану Платонычу. Офицеры сидѣли совсѣмъ готовые, застегнутые и съ револьверами на поясѣ. Иванъ Платонычъ былъ, какъ и всегда, красенъ, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ шею грязнымъ платкомъ. Стебельковъ волновался, сіялъ и для чего-то на-

фабрилъ свои прежде висѣвшіе внизъ усики, такъ что они торчали острыми кончиками.

— Вотъ прапорщикъ-то нашъ! расфрантился передъ дѣломъ,—сказалъ Иванъ Платонычъ, подмигивая на него.—Ахъ Стебелечекъ, Стебелечекъ! жаль мнѣ тебя! Не будетъ у насъ въ собраніи такихъ усиковъ. Сломаютъ тебя, Стебелечекъ,—говорилъ капитанъ шутливо-жалобнымъ тономъ.—Ну, что, не трусишь?

— Постараюсь не струсить,—бодрымъ голосомъ сказалъ Стебельковъ.

— Ну, а вамъ, воитель, страшно?

— Самъ не знаю, Иванъ Платонычъ. Оттуда ничего не слышно?

— Ничего. Господь знаетъ, что тамъ дѣлается.— Иванъ Платонычъ тяжко вздохнулъ.—Въ часъ выступаемъ, добавилъ онъ, помолчавъ.

Пола палатки откинулась; адъютантъ Лукинъ просунулъ свое лицо, на этотъ разъ серьезное и блѣдное.

— Вы здѣсь, Ивановъ? Приказано привести васъ къ присягѣ... Не сейчасъ, когда будемъ выступать. Иванъ Платонычъ! пятую пачку патроновъ людямъ.

Онъ отказался войти посидѣть, говоря, что много дѣла, и побѣжалъ куда-то. Я тоже вышелъ.

Часамъ къ двѣнадцати поспѣлъ обѣдъ. Люди ѣли плохо. Послѣ обѣда приказали снять надульники (кожаные чехольчики) съ ружей и роздали добавочные патроны. Солдаты, готовясь къ бою, начали осматривать свои ранцы и выбрасывать все лишнее. Бросали порванныя рубахи и штаны, разныя тряпки, старые сапоги, щетки, засаленныя солдатскія книжки; нѣкоторые, какъ оказалось, донесли до Дуная въ ранцахъ множество ненужныхъ вещей. Я видѣлъ на землѣ брошенный «щелкунъ», т. е. деревянную чурку, которою въ мирное

время передъ парадами и смотрами разглаживають ремни амуниціи, тяжелыя каменныя банки изъ-подъ помады, какія-то коробочки и дощечки и даже цѣлую сапожную колодку.

— Бросай болѣ, ребята! все легче въ дѣйствіе идти. Завтра ужь не нужно будетъ.

— Пятьсотъ верстъ тащилъ... и на что мнѣ она? разсуждалъ солдатъ Лютиковъ, разсматривая какую-то тряпицу.—Съ собой не унесешь...

Выбрасывать вещи, очищать ранецъ въ тотъ день вошло въ моду. Когда мы сошли съ мѣста, на которомъ стояли, оно представлялось на темной степи правильнымъ четыреугольникомъ, пестрымъ отъ множества тряпокъ и другихъ вещей.

Передъ походомъ, когда полкъ, уже совсѣмъ готовый, стоялъ и ждалъ команды, впереди собралось нѣсколько офицеровъ и нашъ молоденькій полковой священникъ. Изъ фронта вызвали меня и четырехъ вольноопредѣляющихся изъ другихъ баталіоновъ; всѣ поступили въ полкъ на походѣ. Оставивъ ружья сосѣдямъ, мы вышли впередъ и стали около знамени; незнакомые мнѣ товарищи были взволнованы, да и у меня сердце билось сильнѣе, чѣмъ всегда.

— Возьмитесь за знамя!—сказалъ баталіонный командиръ. Знаменщикъ наклонилъ знамя; его ассистенты сняли чехолъ. Старая, полинявшая зеленая шелковая ткань забилась по вѣтру. Мы стали вокругъ и, держа одной рукой древко, а другую поднявъ вверхъ, повторяли слова священника, который читалъ съ листа старинную петровскую военную присягу. Вспомнились мнѣ слова Василія Карпыча на первомъ переходѣ.—Гдѣ же это? думалъ я. И послѣ долгаго перечисленія случаевъ и мѣстъ службы Его Императорскаго Величества: по-

ходовъ, наступленій, авангардій и арріергардій, крѣпостей, карауловъ и обозовъ, я услышалъ эти слова. «Не щади живота», громко повторили всѣ пятеро въ одинъ голосъ; и глядя на ряды сумрачныхъ, готовыхъ къ бою людей, я чувствовалъ, что это не пустыя слова.

Мы вернулись въ ряды; полкъ дрогнулъ, зашевелился и, вытянувшись въ длинную колонну, форсированнымъ шагомъ пошелъ къ Дунаю. Выстрѣлы, доносившіеся оттуда, смолкли.

Какъ сквозь сонъ помню этотъ переходъ; пыль, поднимаемую обгонявшими насъ на рысяхъ казачьими полками, широкую степь, спускавшуюся къ Дунаю, другой синѣвшій берегъ котораго мы увидѣли верстъ за пятнадцать; усталось, жару, свалку и драку у встрѣтившагося намъ уже подъ Зимницею колодца; грязный, маленькій городокъ, наполненный войсками, какихъ-то генераловъ, махавшихъ намъ съ балкона фуражками и кричавшихъ «ура!», на что мы отвѣчали тѣмъ же.

— Перешли! перешли! гудѣли вокругъ голоса.

— Двѣсти убитыхъ, пятьсотъ раненыхъ!

VIII.

Уже было темно, когда мы, сойдя съ берега, перешли протокъ Дуная по небольшому мосту и пошли по низкому песчаному острову, еще мокрому отъ только что спавшей съ него воды. Помню рѣзкій лязгъ штыковъ сталкивавшихся въ темнотѣ солдатъ, глухое дребезжанье обгонявшей насъ артиллеріи, черную массу широкой рѣки, огоньки на другомъ берегу, куда мы должны были переправиться завтра и гдѣ, я думалъ,

завтра же будетъ новый бой.—Лучше не думать, а уснуть,—рѣшилъ я, и улегся въ пропитанный водой песокъ.

Солнце было уже высоко, когда я открылъ глаза. На песчаномъ берегу толпились войска, обозы и парки; у самой воды уже успѣли выкопать батареи и ровики для стрѣлковъ; за Дунаемъ, на крутомъ берегу можно было разсмотрѣть сады и виноградники, въ которыхъ копошились наши войска; за ними подымались все выше и выше возвышенности, рѣзко ограничивая горизонтъ. Вправо, версты за три отъ нихъ, бѣлѣло на холмахъ своими домами и минаретами Систово. Пароходъ, съ баркой на буксирѣ, перевозилъ баталіонъ за баталіономъ на ту сторону. У нашего берега шипѣлъ парами маленькій миноносный катеръ.

— Съ благополучнымъ переходомъ, Владиміръ Михайлычъ! весело поздравилъ меня Өедоровъ.

— И васъ также. Да только мы-то, вѣдь, еще не перешли?

— А вотъ сейчасъ пароходъ прійдетъ, заберетъ. Мониторъ турецкій, говорятъ, недалеко; вонъ этотъ самоварчикъ на него приготовленъ.—Онъ показалъ на миноноску.—Побито народа что, Господи! продолжалъ онъ, измѣнивъ голосъ.—Ужь возили-возили съ той стороны...

И онъ разсказалъ мнѣ всѣмъ извѣстныя подробности систовская боя.

— Теперь нашъ чередъ. Перейдемъ на тотъ бокъ— турки навалятся... Ну, все-таки вышла отсрочка: мы-то живы, а вотъ тѣ... Онъ кивнулъ на стоявшую недалеко кучку солдатъ и офицеровъ, столпившихся вокругъ невидимаго предмета, на который всѣ они смотрѣли.

— Что это такое?

— Убитыхъ нашихъ оттуда привезли. Подите, посмотрите, Михайлычъ, страсть-то какая.

Я подошелъ къ кучкѣ. Всѣ, молча и снявъ шапки, смотрѣли на лежавшія рядомъ на пескѣ тѣла. Иванъ Платонычъ, Стебельковъ и Венцель тоже были здѣсь. Иванъ Платонычъ сердито нахмурился, кряхтѣлъ и отдувался; Стебельковъ съ наивнымъ ужасомъ вытягивалъ изъ-за его плеча тонкую шею. Венцель стоялъ, глубоко задумавшись.

Лежавшихъ на пескѣ было двое. Одинъ — рослый, красивый гвардеецъ финляндскаго полка, изъ сборной гвардейской полуроты, той самой, которая потеряла во время атаки половину людей. Онъ былъ раненъ въ животъ и, должно быть, долго мучился до смерти. Тонкій отпечатокъ чего-то одухотвореннаго, изящнаго и нѣжно жалобнаго оставило страданіе на его лицѣ. Глаза были закрыты, руки сложены на груди. Самъ ли онъ передъ смертью принялъ это положеніе, или товарищи позаботились о немъ? Его видъ не возбуждалъ ужаса и отвращенія, а только безконечную жалость къ погибшей, бившей ключомъ жизни.

Иванъ Платонычъ нагнулся къ трупу и, взявъ фуражку, лежавшую около головы, прочелъ на козырькѣ: Иванъ Журенко, третьей роты. «Хохолъ былъ, бѣдняга!» — тихо сказалъ онъ. И представилась мнѣ родина, жаркій вѣтеръ въ степи, слобода по оврагу, левады, заросшія вербами, бѣленькая мазанка съ красными ставнями... Кто ждетъ тамъ тебя?

Другой былъ армеецъ волынскаго полка. Смерть застала его внезапно. Онъ бѣжалъ разъяренный въ атаку, задыхаясь отъ крика; пуля ударила его въ переносье, пронзила голову, оставивъ по себѣ черную зіяющую рану. Такъ и лежалъ онъ съ широко раскрытыми,

теперь уже застывшими глазами, съ открытымъ ртомъ и съ искривленнымъ яростью посинѣлымъ лицомъ.

— Разсчитались,—сказалъ Иванъ Платоновичъ. — Въ чистую. Ничего имъ больше не нужно.

Онъ повернулся; солдаты торопливо разступились, чтобы пропустить его. Мы съ Стебельковымъ пошли за нимъ. Венцель догналъ насъ.

— Вотъ, Ивановъ,—сказалъ онъ:—видѣли?

— Видѣлъ, Петръ Николаичъ,—отвѣчалъ я.

— Что жь вы думали, глядя на нихъ? сумрачно спросилъ онъ. И во мнѣ вдругъ вспыхнула злоба противъ этого злого человѣка и желаніе сказать ему что нибудь тяжелое.

— Много. И больше всего о томъ, что они уже не пушечное мясо. Для нихъ уже не нужно спайки и дисциплины; и никто не будетъ истязать ихъ ради этой спайки. Они не солдаты, не подчиненные! говорилъ я дрожащимъ голосомъ:—Они—люди!

Венцель блеснулъ глазами. Звукъ вылетѣлъ изъ его горла и прервался: должно быть, онъ хотѣлъ отвѣтить мнѣ, но сдержалъ себя и на этотъ разъ. Онъ шелъ рядомъ со мной, потупивъ голову, и черезъ нѣсколько шаговъ, не смотря на меня, сказалъ:

— Да, Ивановъ, вы правы. Они люди... мертвые люди.

IX.

Насъ перевезли черезъ Дунай; нѣсколько дней мы стояли около Систова, ожидая турокъ; потомъ войска потянулись въ глубь страны. Пошли и мы. Насъ долго

посылали то туда, то сюда: были мы и около Тырнова и недалеко отъ Плевны; но прошло три недѣли, а намъ все еще не довелось драться. Наконецъ, мы попали въ особый отрядъ, обязанность котораго была—сдерживать наступленіе большой турецкой арміи. Сорокъ тысячъ русскихъ было растянуто на семьдесятъ верстъ; около ста тысячъ турокъ стояло противъ нихъ, и только осторожныя дѣйствія нашего начальника, не рисковавшаго людьми, а довольствовавшагося отпоромъ наступающаго непріятеля, да вялость турецкаго паши, позволили намъ исполнить нашу задачу: не дать туркамъ прорваться и отрѣзать нашу главную армію отъ Дуная.

Насъ было мало, линія наша была велика; поэтому намъ рѣдко приходилось отдыхать. Мы обошли множество деревень, являясь то тамъ, то здѣсь, чтобы встрѣтить предполагаемое нападеніе; мы забирались въ такую глушь Болгаріи, что насъ не находили транспорты съ провіантомъ, и намъ приходилось голодать, растягивая двухдневную порцію сухарей на пять и болѣе дней. Голодавшіе люди молотили недозрѣлую пшеницу палками на растянутыхъ палаткахъ, варили изъ нея и изъ кислыхъ лѣсныхъ яблокъ отвратительную похлебку безъ соли (потому что и ея было взять негдѣ), и заболѣвали отъ нея. Батальоны таяли, хотя и не были въ дѣлѣ.

Въ половинѣ іюля наша бригада, съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи и двумя батареями пушекъ, пришла въ брошенную жителями, разоренную и полувыжженную турецкую деревню. Нашъ лагерь раскинулся на высокой, обрывистой горѣ; деревня была внизу, въ глубинѣ долины, по которой извивалась узенькая рѣчка. Крутыя, высокія скалы возвышались на другой сторонѣ долины. То была, какъ мы думали, турецкая

сторона, однако турокъ близко не было. Мы простояли нѣсколько дней на нашей горѣ, почти безъ хлѣба, съ трудомъ доставая воду, за которой нужно было спускаться далеко внизъ, къ ключу, бившему внизу изъ скалы. Мы были совершенно отдѣлены отъ арміи и не знали, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Верстъ за пятнадцать впереди насъ казаки содержали разъѣзды; двѣ или три сотни ихъ были растянуты на двадцать верстъ. Турокъ не было и тамъ.

Несмотря на то, что мы не могли открыть непріятеля, нашъ маленькій отрядъ принималъ всѣ мѣры осторожности. Днемъ и ночью стояла кругомъ лагеря густая аванпостная цѣпь. По условіямъ мѣстности, ея линія была очень длинна, и каждый день нѣсколько ротъ были заняты этой бездѣятельной, но очень утомительной службой. Бездѣйствіе, почти постоянный голодъ, неизвѣстность положенія дурно дѣйствовали на людей.

Околотки (полковые лазареты) были переполнены; каждый день отправляли ослабѣвшихъ и измученныхъ лихорадкою и кровавымъ поносомъ людей куда-то въ дивизіонный лазаретъ. Въ ротахъ было налицо отъ половины до двухъ третей полнаго состава. Всѣ были мрачны, и всѣмъ хотѣлось идти въ дѣло. Все-таки это былъ исходъ.

Наконецъ, онъ наступилъ. Отъ командира казачьей сотни прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что турки начали наступать, и что онъ, командиръ долженъ былъ стянуть своихъ людей и отступить за пять верстъ. Потомъ оказалось, что турки вернулись, не думая продолжать наступленіе, что намъ можно было спокойно оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что намъ никто не велѣлъ наступать. Но командовавшій тогда нами генералъ, незадолго до того пріѣхавшій изъ Петербурга,

чувствовалъ то же, что и всѣ люди отряда. А людямъ было невыносимо сидѣть сложа руки или стоять по цѣлымъ суткамъ на часахъ противъ невидимаго и, какъ всѣ были убѣждены, несуществовавшаго непріятеля, питаться скверною пищею и ждать своей очереди заболѣть. Всѣмъ хотѣлось идти драться. И генералъ приказалъ наступать.

Мы оставили половину отряда въ лагерѣ. Положеніе дѣлъ было настолько малоизвѣстно, что можно было ждать атаки съ другихъ сторонъ. Четырнадцать ротъ, гусары и четыре пушки послѣ полудня двинулись въ походъ. Никогда мы не шли такъ скоро и бодро, кромѣ того дня, когда проходили передъ Государемъ.

Мы шли долиною, проходя одну за другою брошенныя турецкія и болгарскія деревни. Въ узкихъ переулкахъ, обнесенныхъ высокими, выше человѣческаго роста плетнями, не встрѣчалось ни человѣка, ни скотины, ни собаки; только куры, клохтая, разлетались отъ насъ по плетнямъ и крышамъ, да гуси съ крикомъ тяжело подымались на воздухъ и старались улетѣть. Изъ садиковъ выглядывали вѣтви, точно облѣпленныя синѣлыми сливами всевозможныхъ сортовъ. Въ послѣдней деревнѣ, за пять верстъ отъ того мѣста, гдѣ предполагались турки, намъ дали полчаса отдыха. Въ это время полуголодные солдаты натрясли множество сливъ, наѣлись и набили ими себѣ сухарные мѣшки. Нѣкоторые, правда, немногіе, позаботились наловить и нарѣзать куръ и гусей, ощипали ихъ и взяли съ собой. Мнѣ вспомнилось, какъ тѣ же солдаты передъ систовской переправой, въ ожиданіи боя, выбрасывали изъ ранцевъ всѣ свои вещи, и я сказалъ объ этомъ Житкову, который въ это время ощипывалъ огромнаго гуся.

— Что жь, Михайлычъ, хоть въ дѣйствіи не были,

а ждать привыкли. Все сдастся, будто такъ только проходишь. Въ ничью сыграешь. А ежели и попадешь въ дѣйствіе — запасъ ѣсть не проситъ. Ну, какъ не убьютъ?—закусить-то и есть чѣмъ.

— Страшно вамъ? невольно спросилъ я его.

— Да можетъ, ничего и не будетъ,—не скоро отвѣтилъ онъ, щурясь и старательно выщипывая оставшійся бѣлый пушокъ.

— А если будетъ?

— Ежели будетъ,—страшно, не страшно, все одно, идти надо. Нашего брата не спросятъ. Иди себѣ, съ Богомъ. Дай-ка ножа: у тебя ножъ важный.—Я далъ ему свой большой охотничій ножъ. Онъ разрубилъ гуся вдоль и половину протянулъ мнѣ.—Возьми-ка себѣ на случай. А объ этомъ самомъ, страшно ли, не страшно, не думай, баринъ, лучше. Все отъ Бога. Отъ него никуда не уйдешь.

— Ежели ужь летитъ въ тебя пуля или, тамъ, граната, куда жь уйти! подтвердилъ Ѳедоровъ, лежавшій около насъ.—Я такъ полагаю, Владиміръ Михайлычъ, что даже опасности больше есть въ бѣгствѣ. Потому— пуля по траэкторіи должна летѣть этакъ вотъ (онъ показалъ пальцемъ), и самая что ни на есть жарня въ тылу образуется!

— Да,—сказалъ я,—особенно съ турками. Говорятъ, они высоко цѣлятъ.

— Ну, ученый! сказалъ Житковъ Ѳедорову:—разговаривай больше! Тамъ тебѣ такую траэкторію покажутъ. Оно, конечно,—прибавилъ онъ, подумавъ,—что лучше ужь впереди...

— Куда начальство,—сказалъ Ѳедоровъ. — А нашъ впередъ пойдетъ, не струситъ.

— Пойдетъ. Нашъ не струситъ. И Нѣмцовъ тоже пойдетъ.

— Дядя Житковъ,—спросилъ Ѳедоровъ,—какъ скажешь: быть ему сегодня живу или нѣтъ?

Житковъ потупилъ глаза.

— Ты про что это говоришь? спросилъ онъ.

— Да полно! Видѣлъ его? Такъ вотъ все въ немъ и ходитъ.

Житковъ сталъ еще угрюмѣе.

— Пустое ты болтаешь,—глухо проговорилъ онъ.

— А до Дунаю-то что говорили? сказалъ Ѳедоровъ.

— До Дунаю!... Обозливши́сь, съ сердцовъ, всякое несли. Извѣстно, не въ терпежъ было. Ты что думаешь, разбойники, что ли?—сказалъ Житковъ, обернувшись и смотря Ѳедорову прямо въ лицо. — Бога, что ли, въ нихъ нѣтъ? Не знаютъ, куда идутъ! Можетъ, которымъ сегодня Господу Богу отвѣтъ держать, а имъ объ такомъ дѣлѣ думать? До Дунаю! Да я до Дунаю-то и самъ разъ барину сказалъ (онъ кивнулъ на меня). Точно, что сказалъ, потому — и смотрѣть-то тошно было. Эка вспомнилъ, до Дунаю!

Онъ полѣзъ въ голенище за кисетомъ и долго еще ворчалъ, набивая трубку и закуривая ее. Потомъ, спрятавъ кисетъ, усѣлся поудобнѣе, охвативъ колѣни руками, и погрузился въ какую-то тяжелую думу.

Черезъ полчаса мы вышли изъ деревни и начали подниматься изъ долины въ гору. За возвышенностью, которую намъ нужно было перейти, были турки. Мы вышли на гору; передъ нами открылось широкое холмистое, постепенно понижавшееся пространство, покрытое то нивами пшеницы, то кукурузными полями, то огромными зарослями карагача и кизила. Въ двухъ мѣстахъ бѣлѣли минареты деревень, скрытыхъ между

зелеными холмами. Мы должны были взять правую изъ нихъ. За нею, на краю горизонта, чуть виднѣлась бѣловатая полоска: то было шоссе, прежде занятое нашими казаками. Скоро все это скрылось изъ вида: мы вступили въ густую заросль, изрѣдка прерываемую небольшими полянками.

Я плохо помню начало боя. Когда мы вышли на открытое мѣсто на вершину холма, откуда турки могли ясно видѣть, какъ наши роты, выходя изъ кустовъ, строились и расходились въ цѣпь, одиноко загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Это они пустили гранату. Люди дрогнули; глаза всѣхъ устремились на уже расплывавшееся, тихо скатывавшееся съ холма бѣлое облачко дыма. И въ тотъ же мигъ приближающійся звонкій, скрежещущій звукъ снаряда, летѣвшаго, какъ казалось, надъ самыми нашими головами, заставилъ всѣхъ пригнуться. Граната, перелетѣвъ черезъ насъ, ударилась въ землю около шедшей позади роты; помню глухой ударъ ея разрыва и вслѣдъ затѣмъ чей-то жалобный крикъ. Осколокъ оторвалъ ногу фельдфебелю. Я узналъ это послѣ; тогда я не могъ понять этого крика: ухо слышало его — и только. Тогда все слилось въ томъ смутномъ и невыразимомъ словами чувствѣ, какое овладѣваетъ вступающимъ въ первый разъ въ огонь. Говорятъ, что нѣтъ никого, кто бы не боялся въ бою; всякій нехвастливый и прямой человѣкъ, на вопросъ, страшно ли ему, отвѣтитъ: страшно. Но не было того физическаго страха, какой овладѣваетъ человѣкомъ ночью въ глухомъ переулкѣ при встрѣчѣ съ грабителемъ; было полное, ясное сознаніе неизбѣжности и близости смерти. И—дико и странно звучатъ эти слова—это сознаніе не останавливало людей, не заставляло ихъ думать о бѣгствѣ, а вело впе-

редъ. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотѣлось идти впередъ, чтобы убить кого-нибудь, но было неотвратимое побужденіе идти впередъ, во что бы то ни стало, и мысль о томъ, что нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе: нужно умереть.

Пока мы переходили черезъ поляну, турки успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Насъ отдѣляла отъ нихъ только послѣдняя большая заросль, медленно поднимавшаяся къ деревнѣ. Мы вошли въ кусты. Все смолкло.

Идти было трудно: высокіе, часто колючіе кусты разрослись густо и нужно было обходить ихъ или пробираться черезъ нихъ. Шедшіе впереди стрѣлки уже разсыпались цѣпью и изрѣдка тихо перекликались между собою, чтобы не разойтись. Мы пока держались всей ротой вмѣстѣ. Глубокое молчаніе царило въ лѣсу.

И вотъ раздался первый, не громкій, похожій на ударъ топора дровосѣка ружейный выстрѣлъ. Турки наугадъ начали пускать въ насъ пули. Онѣ свистѣли высоко въ воздухѣ разными тонами, съ шумомъ пролетали сквозь кусты, отрывая вѣтви, но не попадали въ людей. Звукъ рубки лѣса становился все чаще и наконецъ слился въ однообразную трескотню. Отдѣльныхъ взвизговъ и свиста не стало слышно; свистѣлъ и вылъ весь воздухъ. Мы торопливо шли впередъ; всѣ около меня были цѣлы, и я самъ былъ цѣлъ. Это очень удивляло меня.

Вдругъ мы вышли изъ кустовъ. Дорогу пересѣкалъ глубокій оврагъ съ ручейкомъ. Люди отдохнули минуту и напились воды.

Отсюда роты развели въ разныя стороны, чтобы охватить турокъ съ фланговъ; нашу роту оставили въ резервѣ, въ оврагѣ. Стрѣлки должны были идти

прямо и, пройдя черезъ кусты, ворваться въ деревню. Турецкіе выстрѣлы трещали по прежнему часто, безъ умолку, но гораздо громче.

Выбравшись на другой берегъ оврага, Венцель выстроилъ свою роту. Онъ сказалъ людямъ что-то, чего я не слышалъ.

— Постараемся, постараемся! раздались голоса стрѣлковъ.

Я смотрѣлъ на него снизу: онъ былъ блѣденъ и, какъ мнѣ показалось, печаленъ, но довольно спокоенъ. Увидѣвъ Ивана Платоныча и Стебелькова, онъ махнулъ имъ платкомъ, потомъ сталъ искать чего-то глазами въ нашей толпѣ. Я догадался, что ему хочется проститься и со мной, и всталъ, чтобы онъ замѣтилъ меня. Венцель улыбнулся, кивнулъ мнѣ нѣсколько разъ головою и скомандовалъ ротѣ идти въ цѣпь. Кучки по четыре человѣка расходились вправо и влѣво, растянулись въ длинную цѣпь и разомъ исчезли въ кустахъ, кромѣ одного, который вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ, поднялъ руки и тяжело рухнулся на землю. Двое изъ нашихъ выскочили изъ оврага и принесли тѣло.

Томительно прошло полчаса неизвѣстности.

Бой разгорался. Ружейный огонь учащался и перешелъ въ сплошной грозный вой. На правомъ флангѣ загремѣли пушки. Изъ кустовъ начали показываться идущіе и ползущіе окровавленные люди; сначала ихъ было мало, но съ каждой минутой становилось больше и больше. Наши помогали имъ спускаться въ оврагъ, поили водой и укладывали, въ ожиданіи санитаровъ съ носилками. Стрѣлокъ, съ раздробленною кистью руки, страшно охая и закатывая глаза, съ посинѣвшимъ отъ потери крови и боли лицомъ, пришелъ самъ и сѣлъ у ручья. Ему затянули руку, уложили на шинель; кровь

остановилась. Его била лихорадка; губы дрожали, онъ всхлипывалъ, нервно и судорожно рыдая.

— Братцы, братцы!... земляки милые!...

— Много побили?

— Такъ и валятся!

— Ротный цѣлъ?

— Цѣлъ пока. Кабы не онъ, отбили бы. Возьмутъ. Съ нимъ возьмутъ,—слабымъ голосомъ говорилъ раненый.—Три раза водилъ, отбивали. Въ четвертый повелъ. Въ буеракѣ сидятъ; патроновъ у нихъ: такъ и сѣютъ, такъ и сѣютъ... Да нѣтъ! вдругъ злобно закричалъ раненый, привставъ и махая больной рукой:—шалишь! шалишь, проклятый!...

И онъ, вращая изступленными глазами, выкрикнулъ страшное, грубое ругательство и повалился безъ чувствъ.

На берегу оврага показался Лукинъ.

— Иванъ Платонычъ! закричалъ онъ не своимъ голосомъ: — Ведите!

. . . .

Дымъ, трескъ, стоны, бѣшеное «ура!»... Запахъ крови и пороха. Закутанные дымомъ странные, чужіе люди съ блѣдными лицами. Дикая, не человѣческая свалка. Благодареніе Богу за то, что такія минуты помнятся только, какъ въ туманѣ.

. . . .

Когда мы подоспѣли, Венцель въ пятый разъ велъ остатокъ своей роты на турокъ, засыпавшихъ его свинцомъ. На этотъ разъ стрѣлки ворвались въ деревню. Немногіе изъ защищавшихъ ее въ этомъ мѣстѣ турокъ успѣли убѣжать. Вторая стрѣлковая рота потеряла въ два часа боя *пятьдесятъ два* человѣка изъ ста съ небольшимъ; наша рота, мало принимавшая участія въ дѣлѣ, нѣсколько человѣкъ.

Мы не остались на отбитой позиціи, хотя турки были сбиты повсюду. Когда нашъ генералъ увидѣлъ, что изъ деревни выходитъ на шоссе батальонъ за батальономъ, двигаются массы кавалеріи и тянутся длинныя вереницы пушекъ, онъ ужаснулся. Очевидно, турки не знали нашихъ силъ, скрытыхъ кустами: если бы имъ было извѣстно, что всего только четырнадцать ротъ выбили ихъ изъ глубокихъ дорогъ, рытвинъ и плетней, окружавшихъ деревню, они вернулись бы и раздавили бы насъ. Ихъ было втрое больше.

Вечеромъ мы были уже на старомъ мѣстѣ. Иванъ Платонычъ позвалъ меня пить чай.

— Венцеля видѣли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Подите къ нему въ палатку, позовите къ намъ. Убивается человѣкъ. «Пятьдесятъ два! пятьдесятъ два!» только и слышно. Подите къ нему.

Тонкій огарокъ слабо освѣщалъ палатку Венцеля. Прижавшись въ уголку палатки и опустивъ голову на какой-то ящикъ, онъ глухо рыдалъ.

